

VIII. Паденіе Аѳинской державы.

Политическія послѣдствія большой междуособной войны. Въ серединѣ V вѣка демократическія формы жизни—предметъ всеобщаго восторга или всеобщей зависти. Демократической республикѣ выпадаютъ на долю наибольшіе успѣхи внѣшней политики, демось превосходно устраиваетъ свои интересы во внутреннихъ дѣлахъ. Олигархическіе круги, т.-е. землевладѣльцы, негоціанты, банкиры, должны ухаживать за народомъ, т.-е. крестьянствомъ, ремесленниками, моряками. Въ литературѣ на очереди прославленіе народного верховенства, или «господства массы», какъ говорилъ Геродотъ.

За время большой общегреческой войны намѣтился тяжелый кризисъ демократіи. Эту катастрофу народоправства создало само междуособіе. Въ теченіе войны демократія начинаетъ глубоко видоизмѣняться. Все болѣе и болѣе она превращается въ массу разоренныхъ людей, лишившихся правильнаго дохода и заработка и поэтому обращающихся къ захвату добычи на сторонѣ. Свое домашнее обнищаніе и скудость воители стараются поправить контрибуціями и усиленными налогами. Бремя податей и повинностей ложится все тяжеле на богатые и зажиточные классы, въ то время, какъ бѣдняки, оеты, ничего не теряютъ отъ войны, напротивъ, живутъ ея изживеніемъ. Такимъ образомъ, война рѣзко раздѣлила интересы имущихъ и немущихъ: первые становятся противниками войны и вслѣдствіе этого противниками демократіи. Въ видѣ дополненія къ войнѣ между общинами и продолженія ея разгорается борьба классовъ внутри общинъ. Въ небольшихъ кантонахъ эти явленія выступаютъ ярче и грубѣе и сказываются раньше, чѣмъ въ крупной аѳинской республикѣ: уже въ первые годы войны въ Митиленѣ и на Коркирѣ рознь классовъ раздражается жестокой взаимной рѣзней. Общественное мнѣніе начинаетъ поворачиваться противъ демократіи: литераторы и публицисты принимаются критиковать народную форму правленія, находятъ въ ней вопіющіе недостатки; растетъ и усиливается оппозиція, которая ставитъ своею цѣлью сокрушить демократію.

Реакціонная оппозиція въ Аѣинахъ. Ни одинъ изъ античныхъ историковъ не далъ намъ того, что мы называемъ исторіей общества, но матеріала для нея у греческихъ писателей разбросано много, и возстановить соціальную картину эпохи Пелопоннесской войны вполне возможно.

Въ числѣ недовольныхъ демократіей на первомъ мѣстѣ богатый слой гражданъ, *οἱ δυνατοὶ τῶν πολιτῶν*, какъ ихъ называетъ Фукидидъ. Демократическая система финансовъ вообще состояла въ прогрессивномъ обложеніи; на людяхъ, сильныхъ капиталомъ, лежали наибольшія повинности, особенно по снаряженію кораблей и по устройству празднествъ вмѣстѣ съ театральными представленіями; въ эпохи сравнительно спокойныя богатая часть гражданства мирилась съ тяжестью налоговъ и поставокъ, потому что возмѣщала всѣ вычеты прибылью отъ торговли и отъ политическаго господства Аѣинъ. Во время войны выгоды какъ чисто-экономическаго свойства, такъ и тѣ, которыя получались отъ великодержавнаго положенія, очень сократились, а между тѣмъ отъ людей состоятельныхъ требовались все новыя и новыя жертвы на оборону, на экспедиціи и т. д. Понятно, что въ сознаніи богатыхъ они-то именно казались «самыми обиженными судьбой»¹. Въ Аѣинахъ высшій имущественный слой до извѣстной степени покрывается военнымъ понятіемъ всадниковъ (*ἵππεις*), но не вполне: всадники—въѣ люди богатые, но въ то же время это званіе наследственное, почетное, своего рода нобилитетъ, или дворянство. Мы уже видѣли всадниковъ въ качествѣ консервативной силы, къ которой обращался со слезной мольбой врагъ войны и воинственной демократіи Аристофанъ. Повидимому, они сдѣлали еще одинъ шагъ дальше, примкнули къ олигархическимъ клубамъ, работавшимъ надъ низверженіемъ демократіи: въ 411 году во время переворота золотая молодежь изъ класса гиппеевъ выступаетъ въ качествѣ гвардіи на службѣ вождей олигархической революціи².

Если обозначать классы видомъ оружія, то дальше за гиппееми, въ числѣ противниковъ демократіи слѣдуетъ назвать гоплитовъ. Оппозиція гоплитовъ выясняется изъ слѣдующихъ фактовъ. На гоплитовъ противъ моряковъ (т. е. преимущественно ѡетовъ) пытались въ 411 г. опереться умѣренные олигархи (особенно Ѳерамень), когда рушился планъ управления замкнутаго тайнаго совѣта. Гоплитовъ считали въ то время въ Аѣинахъ около 5.000 человекъ; строемъ Пяти тысячъ и былъ названъ порядокъ, составленный изъ смѣшенія олигархіи и демократіи, который Фукидидъ считаетъ наилучшей конституціей Аѣинъ³. Изстари гоплитами были преимущественно мелкіе зажиточные землевладѣльцы Аттики. Они жестоко пострадали отъ пелопоннесскихъ на-

шествій первыхъ шести лѣтъ большой войны; едва они вернулись къ мирному воздѣлыванію полей, едва начали залѣчивать разореніе своихъ хозяйствъ, какъ безпокойный морской демосъ сталъ затѣвать новыя и новыя экспедиціи, и уже голпिताмъ приходилось выступать не по близости родины въ борьбѣ съ сосѣдями, а выѣзжать въ далекіе походы. Разладъ между сельской и городской демократіями становился все сильнѣе, и первая отгѣнялась все больше въ оппозицію.

Помимо этихъ обширныхъ слоевъ недовольнаго гражданства, надо назвать еще одинъ элементъ; въ обычной характеристикѣ партій его забываютъ отмѣтить особо, но это та группа, которая составляетъ какъ бы руководящій штабъ оппозиціонной арміи и служитъ спайкой различныхъ входящихъ въ нее частей. Въ самомъ дѣлѣ, недовольные землевладѣльцы и садоводы, капиталисты и люди средняго достатка, никогда не могли бы образовать такихъ компактныхъ партій, никогда не могли бы такъ рѣшительно итти къ цѣли низверженія радикальной демократіи, если бы во главѣ ихъ не стала интеллигенція, которая дала имъ программы, аргументы, идеологію и публицистику. Интеллигентный слой выработалъ особое понятіе «порядочныхъ людей» (*καλοὶ καγαθοὶ*) въ видѣ противоположности народной черни. Авторъ анонимной брошюры объ аѳинскомъ строѣ даетъ очень отчетливое опредѣленіе людей порядочнаго общества; въ качествѣ признаковъ этой группы не упоминается ни богатство, ни родовитость; говорится только о воспитанности, образованіи, выучкѣ, дисциплинѣ и технической добросовѣстности, тогда какъ у плебейства характерно невѣжество и отсутствіе выдержки. Опредѣленіе это явно создано въ средѣ людей, прошедшихъ извѣстную школу и гордыхъ своей школьной выучкой. Для Аѳинъ 30-хъ годовъ V вѣка интеллигенція, какъ особый общественный слой,—еще нѣчто новое. Десять-пятнадцать лѣтъ спустя она составляетъ замѣтную силу и обладаетъ весьма опредѣленной физиогноміей. Въ глазахъ Фукидида, одного изъ самыхъ тонкихъ и изящныхъ умовъ этой среды, Аѳины — наиболѣе оживленный притягательный центръ для всѣхъ жаждущихъ знаній, художественныхъ и научныхъ наслажденій. Въ своемъ увлеченіи Аѳинами, какъ законодательницей вкусовъ и умственныхъ направленій, онъ заставляеть Перикла назвать городъ «культурной школой всей Эллады»⁴. Для перикловскаго времени это обозначеніе нѣсколько преждевременно и у Фукидида объясняется тѣмъ, что все хорошее онъ старается возвести къ идеальному демагогу Аѳинъ. Другое дѣло—последняя треть V вѣка. Къ этой порѣ интеллигенція въ Аѳинахъ не только выросла количественно, но—что главное—она овладѣла новой группой пріемовъ и свѣдѣній, она усвоила уроки новой школы, которую принято называть *софистикой*.

Софистическое просвѣщеніе. Ученые популяризаторы, преподаватели и лекторы послѣдней трети V вѣка, обыкновенно называемые софистами, занимались всѣми вопросами знанія, но на первомъ мѣстѣ для нихъ стояли юридическія теоріи, и особенно ученія государственно-правовыя, этико-политическія. Теоретическіе споры по этимъ вопросамъ примыкають прямо къ политической борьбѣ. Понятно, что въ демократической республикѣ, гдѣ особенно сильно развились публичные дебаты, государственное право должно было по преимуществу расцвѣсти. Ученая среда вырабатываетъ новое понятіе «естественнаго права». Она ставитъ на очередь вопросъ объ отношеніи между тѣмъ, что можно назвать «голосомъ природы» (*φύσις*), и положительнымъ правомъ, или закономъ (*νόμος*). Здѣсь мнѣнія рѣзко раздѣляются.

Протагоръ учитъ, что общество возникло изъ потребности отдѣльныхъ людей сплотиться въ борьбѣ за мѣсто на землѣ среди другихъ физически лучше вооруженныхъ существъ. Человѣчeskій умъ направился не только на технику, но и на выработку тѣсныхъ формъ общенія. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше совершенствуются эти формы, и въ современномъ государствѣ мы видимъ людей наиболѣе скрѣпленнымъ чувствомъ солидарности; въ каждомъ человѣкѣ заложена основа политической честности (*πολιτικὴ ἀρετή*), или преданности общему дѣлу; необходимо лишь развить это качество, вложенное самой природой, въ сознательное убѣжденіе, надо воспитывать гражданъ къ пониманію тѣхъ условий, на которыхъ держится общежитіе⁵. Протагора можно назвать утилитаристомъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, этотъ старѣйшій изъ софистовъ является консерваторомъ въ сравненіи съ послѣдующими теоретиками государственнаго права. Для него принципы идеальнаго или естественнаго права примиряются съ существующими формами государства, собственности и семьи; онъ даетъ идеалистическое оправданіе демократіи, какъ государственной формѣ, воплотившей въ себѣ право.

Въ видѣ рѣзкаго возраженія Протагору выступаютъ другіе ученые теоретики, примыкающіе къ болѣе пессимистическому взгляду на природу человѣка. Они учатъ, что въ основѣ общежитія лежитъ взаимная борьба людей за существованіе. Установившійся порядокъ—всюду результатъ побѣды сильныхъ элементовъ надъ слабыми. Сообразно тому, какъ устроены силы, достигающія торжества, видоизмѣняются и государственныя формы: въ тиранинн господствуетъ одна выдающаяся личность, въ аристократіи—группа богатыхъ и могучихъ людей, въ демократіи—масса неимущихъ, которые въ отдѣльности очень слабы, но при извѣстныхъ обстоятельствахъ способны сплотиться въ большую коллективную силу. Право есть только механичeskій результатъ фактическихъ отношеній. Общій законъ въ международной жизни тотъ же, что въ

столкновенияхъ внутреннихъ партій: господство силы. Вотъ принципъ международнаго права, который откровенно высказывается дипломатіей: «всѣмъ хорошо извѣстно, что о правѣ говорить только тогда, когда спорящія стороны находятся въ одинаково принудительныхъ условіяхъ; какъ только есть перевѣсъ на одной сторонѣ, сильные позволяютъ себѣ все, что только достижимо имъ, а слабые подчиняются имъ». Въ человѣкѣ заложено природой неудержимое влеченіе къ господству; само собою понятно, что онъ стремится къ обладанію тѣмъ, что только въ силахъ захватить ⁶. Школа, выдвинувшая столь реалистическую теорію, заявила себя въ Аѳинахъ, повидимому, прѣмче, чѣмъ болѣе ранняя консервативная. Даже официальные руководители демократіи, когда заходила рѣчь о положеніи аѳинянъ въ державѣ, о власти ихъ надъ союзниками, готовы были признавать открыто культъ силы. У Фукидида одинаково и умѣренный Перикль, и радикальный Клеонъ считаютъ, что господство аѳинянъ надъ союзниками есть произволь, но если таково неизбѣжное положеніе вещей, всѣ усилія аѳинянъ должны быть направлены на удержаніе разъ сложившейся тиранніи. Однако разсужденіемъ о естественномъ правѣ, какъ правѣ силы, могли воспользоваться и противники демократіи. Въ ихъ глазахъ временное торжество организаціи слабыхъ надъ выдающимися и могучими, истинно сильными людьми ничего не доказываетъ. Демократія, попирая естественное неравенство, созданное природой, составляетъ форму несправедливую и противоестественную. Во имя права личности, въ цѣляхъ возстановленія органически предудказаннаго порядка, слѣдуетъ бороться съ тиранніей немощныхъ. Въ этой борьбѣ за право, которое единственно согласно съ природой, допустимы всѣ средства, и такимъ образомъ естественное право служить оправданіемъ олигархической революціи.

При всѣмъ глубокомъ расхожденіи юридическихъ теорій, выставленныхъ софистами, онѣ заключаютъ въ себѣ одну общую черту: всѣ онѣ совершенно игнорируютъ божественныя или вообще какія-либо сверхъестественныя и мистическія силы. Въ глазахъ представителей софистическаго просвѣщенія міръ человѣческихъ отношеній управляется исключительно чувствами, влеченіями и мнѣніями людей.

Въ эпоху Пелопоннесской войны теоріи, выдвинутыя софистами, волновали публику необыкновенно живо и остро; относящіяся сюда вопросы дебатировались непрерывно въ различныхъ кругахъ; отъ пріѣзжаго лектора ожидали прежде всего доклада на тему о положительномъ правѣ и его отношеніи къ праву естественному. Въ народномъ собраніи ораторы старались вставить въ свои рѣчи особенно эффектныя формулировки общихъ вопросовъ, развитіе нѣсколькихъ общихъ разсужденій. Разъ эта мода юридическихъ построеній и аргументацій сдѣ-

лалась столь распространенной и заразной, появился спрос на техническую подготовку къ чтенію лекцій, изложенію докладовъ, составленію рѣчей и веденію споровъ, иначе говоря, появилась потребность риторическаго и діалектическаго обученія. Практика судовъ, состязаніе частныхъ обвинителей и защитниковъ, заставляла систематически работать надъ словомъ; что касается экклесіи, то она въ сущности являлась тоже большой судебной ареной, гдѣ публика привыкла взвѣшивать искусство аргументаціи спорящихъ сторонъ и куда скоро также проникли вкусы софистическихъ аудиторій. Искусство риторическихъ построеній и діалектическихъ оборотовъ и выпадовъ вырабатывалось у иныхъ софистовъ и ихъ учениковъ до виртуознаго умѣнья. Мастеръ слова готовъ былъ и самъ любоваться на свои приемы. Примѣромъ такого увлеченія софистическимъ искусствомъ служить Фукидидъ. Онъ не можетъ отказать себѣ въ удовольствіи вставить въ разныхъ мѣстахъ своей исторіи параллельныя рѣчи, при чемъ главная цѣль сочинителя какъ будто состоитъ въ томъ, чтобы развить съ одинаковой убѣдительною двѣ радикально противоположныя точки зрѣнія. Фукидидъ постоянно работаетъ надъ составленіемъ замысловатыхъ антитезъ, симметрически красивыхъ сопоставленій, придумываетъ особенно выразительныя слова, оттачиваетъ сентенціи. Архитектура его рѣчи иногда кажется слишкомъ затѣливой и перегруженной; но по временамъ приходишь въ невольный восторгъ отъ великолѣпныхъ изобрѣтеній его стиля; не забудемъ, что это и есть стиль ученой софиистики. У Фукидида можно найти интересный панегирикъ неудержимо сильной, убѣдительно мощной рѣчи; онъ говоритъ какъ-то, что люди обыкновенно склонны отдаваться нерасчетливымъ надеждамъ, но, когда имъ не правится ожидаемое стеченіе обстоятельствъ, они умѣютъ отдѣлаться отъ неприятныхъ мыслей самодержавнымъ словомъ (*λογισμῷ αὐτοκράτορι*) 7.

Съ рационализмомъ въ юридическихъ, политическихъ и моральныхъ ученіяхъ обыкновенно идетъ объ руку эмпиризмъ естественно-научнаго мышленія; если между той и другой группой воззрѣній и нѣтъ прямой логической связи, то несомнѣнно имѣется сильное взаимное тяготѣніе. Руководители софистическаго просвѣщенія въ Греціи распространяли, вмѣстѣ съ теоріей естественнаго права, также новѣйшія астрономическія и физическія ученія. Ихъ ученики, сколько можно судить, были матеріалистами, атеистами, агностиками или сторонниками религіи разума.

Пропаганда новаго просвѣщенія внесла элементъ рѣзкихъ столкновеній въ аѳинское общество, какъ бы расколола его на части. Трудно отыскать болѣе жестокою литературную вражду, чѣмъ та, которая раздѣляетъ Аристофана и Эврипида. Въ качествѣ защитника староза-

вѣтной культуры Аѳинъ комикъ яростно нападаетъ на драматурга-модерниста за его сантиментальную раздражительность во вкусѣ избалованной публики, а также за его склонность къ софистической діалектикѣ и къ рискованнымъ новѣйшимъ теоріямъ. Но еще глубже ненависть Аристофана, судя по его знаменитой комедіи «Облака», къ философу Сократу, котораго онъ считаетъ отцомъ зла, главнымъ руководителемъ аѳинской разрушительной софистики и наставникомъ оппозиціонной молодежи. Въ какой мѣрѣ правъ Аристофанъ?

Просвѣтительная дѣятельность Сократа. Обычная характеристика Сократа, какъ «учителя правды», презрѣвшаго космическіе и физиологическіе вопросы ради моральныхъ, ради познанія души человѣческой, не можетъ не казаться намъ теперь дѣтски безпомощной и составленной по трафарету весьма грубаго школьнаго поученія. Это пониманіе Сократа лишь отчасти опирается на изображенія, составленныя двумя его учениками, Платономъ и Ксенофонтомъ. Оба они писали значительно позже смерти Сократа, писали съ цѣлью возстановленія памяти и оправданія любимаго учителя, о многомъ существенномъ умолчали, многое идеализировали, украсили и преувеличили. Но и они не въ такой ужъ мѣрѣ виноваты въ аляповатой моралистической баснѣ о Сократѣ, и они рассказываютъ о немъ много живого и реальнаго. Однако очень трудно выдѣлить достовѣрное какъ въ Діалогахъ Платона, такъ и въ Воспоминаніяхъ Ксенофонта, пока не найдешь опоры у современнаго свидѣтеля.

Такимъ современникомъ именно можетъ служить Аристофанъ, несмотря на жестокою ненависть къ Сократу и склонность къ карикатурѣ. Въ концѣ-концовъ нетрудно разобрать, гдѣ у него кончается изображеніе дѣйствительности, и гдѣ начинается необузданный вымыселъ. Корзинка, въ которой виситъ астрономъ-Сократъ между небомъ и землей, грубая символическая мистификація, продѣлываемая учеными шарлатанами надъ доверчивымъ прозелитомъ школы, балаганная теорія, въ силу которой дѣти могутъ бить родителей со ссылкой на міръ животныхъ,—все это, конечно, буффонады Аристофана. Но глобусъ въ лабораторіи Сократа, геодезическіе инструменты тамъ же, проблема измѣренія земли, рѣшаемая въ ученой школѣ, наконецъ, самый фактъ интереса учителя молодежи къ метеорологическимъ вопросамъ, который такъ ярко выдѣленъ въ комедіи «Облака»,—все это явно подхваченныя изъ жизни явленія. Для насъ не можетъ быть сомнѣнія, что Сократъ стоялъ во главѣ кружка, увлекавшагося физическими изслѣдованіями и, слѣд., былъ очень далекъ отъ презрѣнія къ естественнымъ наукамъ; очевидно, это увлеченіе было настолько ярко, что на немъ комикъ рѣшился построить всю свою пародію. вмѣстѣ съ тѣмъ мы по-

лучаемъ возможность провѣрить любопытный разсказъ Платона о своемъ учителѣ. Въ «Федонѣ» говорится, что Сократъ въ свои ранніе годы занимался проблемой формы земли и рѣшалъ вопросъ о томъ, имѣетъ ли она плоскую или шаровидную форму⁸. Не отрицая факта интереса Сократа къ астрономическимъ теоріямъ, Платонъ старается представить эти занятія въ качествѣ юношескаго увлеченія. Но Аристофанъ служитъ порукой, что еще въ концѣ 20-хъ годовъ V вѣка, т.-е. когда Сократу было подъ 50 лѣтъ, онъ продолжалъ заниматься космографіей и даже руководить въ этой области занятіями цѣлой группы младшихъ коллегъ.

У Аристофана есть еще другое очень цѣнное указаніе. Въ его изображеніи ученый институтъ Сократа не только астрономическая и метеорологическая обсерваторія, но также школа діалектики и эристики, т.-е. искусства вести споръ. Аристофанъ очень не любитъ этой новой повадки въ Аѣнахъ, этого злого искусства, въ его глазахъ фиглярскаго и мошенническаго; во всѣхъ почти комедіяхъ онъ обращается къ изображенію софистическаго кляузничества, а въ «Облакахъ» хочетъ нарисовать какъ бы главный очагъ заразы, свившей себѣ гнѣздо въ Аѣнахъ. Можно отвергнуть цѣликомъ оцѣнку софистики, данную Аристофаномъ, но нельзя не принять его фактическаго указанія: Сократъ былъ мастеромъ спора, и, вѣроятно, у него учились діалектикѣ и эристикѣ. Свидѣтельство Аристофана позволяетъ намъ опять воспользоваться для реальной характеристики Сократа однимъ изъ раннихъ діалоговъ Платона—«Протагоромъ». Здѣсь Сократъ представленъ блестящимъ противникомъ Протагора и какъ разъ именно онъ, мало до тѣхъ поръ извѣстный аѣнининъ, забываетъ заѣзжаго профессора своимъ діалектическимъ талантомъ. Въ діалогѣ Платона настоящій софистъ новаго направленія, это—Сократъ; Протагоръ, напротивъ, представитель отсталой манеры тяжеловѣснаго изложенія мыслей въ видѣ пространной лекціи. Яркій и живой разсказъ Платона какъ бы отражаетъ впечатлѣніе большого словеснаго турнира, дѣйствительно разыгравшагося въ Аѣнахъ и очень памятнаго аѣинской интеллигенціи. Результатъ его въ сознаніи мѣстныхъ кружковъ можно было бы кратко выразить въ такихъ словахъ: «у насъ въ Аѣнахъ есть свой геній софистики, и онъ едва ли не лучший во всей Греціи!»

На основаніи приведенныхъ свидѣтельствъ можно не только установить кругъ интересовъ Сократа, но также выяснить характеръ его ученаго направленія. Видимо, аѣинскій софистъ не замыкался въ узкой спеціальности, не былъ изслѣдователемъ въ одной опредѣленной научной области. Его познанія носили скорѣе энциклопедическій характеръ, его умъ отличался широтой и разнообразіемъ, и лучше всего Сократа

можно было бы опредѣлить, какъ живого и талантливаго популяризатора въ различныхъ областяхъ знанія.

Политическія идеи сократовскаго кружка. Все тотъ же Аристофанъ даетъ нѣсколько намековъ для выясненія политической физиогноміи Сократа. Въ «Птицахъ», поставленныхъ черезъ восемь лѣтъ послѣ «Облаковъ», говорится о новомъ увлеченіи интеллигентскихъ кружковъ: «вѣ были помѣшаны на лаконизмѣ, на спартанскихъ модахъ, носили длинные локоны, упражнялись въ перенесеніи голода, изображали изъ себя сократовъ, расхаживали съ дубинками»⁹. Этотъ коротенькій отрывокъ необычайно любопытенъ. Прежде всего, въ немъ отмѣчено спартаофильство извѣстной группы афинянъ, а эта черта даетъ чрезвычайно опредѣленный политическій обликъ: друзья и подражатели спартанцевъ всегда враги демократіи. Далѣе ясно, что аскетическая повадка Сократа и нѣкоторыхъ его учениковъ не столько вытекала изъ моральнаго ученія о самоотреченіи, сколько была гигиенической модой аристократическаго отѣнка. Наконецъ, характерно, что имя Сократа стало нарицательнымъ для обозначенія людей, не сочувствующихъ демократіи. Указанія Аристофана заставляютъ насъ обратить вниманіе на тѣ мѣста Воспоминаній Ксенофонта, гдѣ Сократъ выступаетъ недоброжелателемъ демократіи. Вотъ, напр. Сократъ ободряетъ молодого Хармида, собирающагося говорить передъ экклесіей и очень смущеннаго отъ предстоящей встрѣчи лицомъ къ лицу съ требовательнымъ верховнымъ демосомъ. «Кого ты боишься? — иронизируетъ Сократъ. — Неужели этихъ шерстобитовъ, портныхъ, столяровъ, слесарей, крестьянъ, лавочниковъ, торгашей, которые норовятъ купить дешевле, продать дороже? Вѣдь изъ этого сброда и состоитъ наша экклесія». Между прочимъ Ксенофонтъ, вообще довольно наивный и неглубокій, сохранилъ намъ великолѣпный образчикъ сократовской политической критики. Въ кружкѣ Сократа доставляли себѣ удовольствіе маленькой фантазіей, въ которой подвергался осмѣянію ни кто иной, какъ великій Перикль. Воображаемый діалогъ¹⁰ стоитъ привести потому, что онъ представляетъ иллюстрацію діалектической манеры софистовъ.

Дѣйствіе происходитъ въ домѣ Перикла, у котораго подъ опекой Алкивиадъ въ эпоху наибольшей политической славы знаменитаго вождя демократіи. Способный и ядовитый мальчишка урываетъ у вѣчно занятаго политика минутку досуга и въ качествѣ *enfant terrible* допрашиваетъ его вопросами. «Ради Бога, научи меня, что такое законъ? Я постоянно слышу, что хвалятъ извѣстныхъ людей за соблюденіе законовъ, но вѣдь я думаю, подобная похвала незаслужена, если не знаешь, что такое законъ». — «Это очень нетрудно, — отвѣчаетъ Перикль. — Все, что народъ въ своемъ общемъ собраніи признаетъ справедливымъ и утвердилъ въ каче-

ствѣ предписаній, составляетъ законъ».—«А что онъ предписываетъ: добро или зло?»—«Ну конечно, добро, какъ же иначе?»—«А если при олигархическомъ строѣ постановить что-нибудь немногіе власть имущіе, что это будетъ?»—«Все, что предпишетъ верховная власть въ общинѣ, зовется закономъ».—«Такъ что и предписанія тиранна составляютъ законъ?»—«И предписанія тиранна въ качествѣ верховной власти составляютъ законъ».—«Ну, а что же такое насиліе и беззаконіе? Не дать ли намъ такое опредѣленіе: если сильнѣйшій заставляетъ слабѣйшаго, противъ убѣжденія, дѣлать то, что ему, сильному, угодно?»—«Вѣрно», говоритъ Перикль, не замѣчая поставленной западни.—«Значить, приказы тиранна, принуждающаго къ чему-нибудь гражданъ противъ ихъ убѣжденія, составляютъ произволь и беззаконіе?»—«Конечно,—говоритъ Перикль,—и я долженъ взять назадъ свое опредѣленіе, что приказы тиранна тоже суть законы». Перикль уже попался; его опредѣленіе не выдержало первой діалектической перестрѣлки. Но на этомъ не кончается издѣвательство. Алкивиадъ спрашиваетъ далѣе: «Значить и то, что олигархія поставитъ противъ убѣжденія народа,—вовсе не законъ, а беззаконіе, произволь?»—«Да, разумѣется».—«Но и то, что народъ въ демократическомъ государствѣ, гдѣ за нимъ сила, поставитъ противъ убѣжденія богатыхъ, скорѣе произволь, чѣмъ законъ?» Теперь автору фантастическаго разговора остается дать Периклу послѣдній ударъ изъ милости, и онъ такъ заканчиваетъ діалогъ. «Конечно, ты правъ,—говоритъ совершенно сбитый и пристыженный великій демагогъ своему молодому собесѣднику,—и мы тоже, когда были въ твоемъ возрастѣ, мастерски вели подобные споры; мы все разсуждали и добились толку въ томъ самомъ, что и тебя теперь занимаетъ».—«Желалъ бы я видѣть тебя, когда ты былъ непобѣдимый мастеръ на такія вещи», говоритъ Алкивиадъ съ иронической усмѣшкой.

Посрамленіе Перикла придумано сократовцами съ очень опредѣленной цѣлью: вожди народа всегда утверждали, что демократія—правовое государство; а вотъ самъ прославленный величайшій дѣятель Аѳинъ долженъ признать, что демократія—такое же господство силы, какъ и всякая другая власть, нисколько не лучше тиранніи. Въ тѣхъ же кругахъ ходили еще болѣе рѣзкія сужденія о демократіи. Вотъ, напр., объясненія, которыя, по словамъ Фукидида, будто бы далъ спартанскому правительству Алкивиадъ, бѣжавшій въ 415 году отъ смертной казни, присужденной ему аѳинской демократіей, Алкивиадъ аттестуетъ себя давнишнимъ другомъ Спарты; вмѣстѣ съ другими аѳинскими своими единомышленниками онъ былъ вынужденъ скрывать свои убѣжденія и подчиняться демократіи; но вѣдь правленіе народа—общепризнанная безмыслица (*ὀμολογουμένη ἄνοια*¹¹). Видимо Алкивиадъ произ-

носить словечко, установившееся прочно въ той средѣ, гдѣ онъ вращался, а онъ былъ однимъ изъ самыхъ ревностныхъ учениковъ Сократа; очень правдоподобно, что выраженіе и придумано главнымъ духовнымъ направителемъ оппозиціоннаго движенія.

Можно ли найти въ школахъ Сократа, помимо критики и отрицанія демократіи, извѣстныя положительныя политическія воззрѣнія? Оба ученика, нарисовавшіе образъ Сократа, Платонъ и Ксенофонтъ, развиваютъ, каждый на свой ладъ, одну очень опредѣленную мысль учителя, сущность которой можетъ быть выражена слѣдующимъ образомъ. Политика вовсе не дѣло толпы; политическое пониманіе не дается всѣмъ и каждому. Что же касается до искусства управленія, то оно составляетъ удѣлъ лишь очень немногихъ. Платонъ наираетъ на вдохновеніе свыше, на природныя дарованія, необходимыя для правителей; Ксенофонтъ, болѣе прозаическій,—на специальную техническую выучку; одинъ говоритъ, что править могутъ только философы, гениальные умы, благородная каста высокоинтеллигентныхъ людей, другой—, что политика—дѣло методической подготовки, технического совершенствованія, а потому править должны военные, инженеры, дипломаты, администраторы, прошедшіе специальную школу. Вѣроятно, въ ученіи Сократа были оба отгѣнка, и каждый изъ учениковъ обратилъ вниманіе только на то, что было ему самому еродни. Но общая мысль остается совершенно ясной: народное правленіе должно быть замѣнено формой олигархической, а правительство должно составиться изъ наиболѣе даровитыхъ, наилучше подготовленныхъ и обученныхъ людей страны, изъ цвѣта ея интеллигенціи. Роль Сократа въ образованіи аѣинской оппозиціи—лишь очень обща и, если можно такъ выразиться, вполнѣ отвлеченна. Онъ далъ теоретическія основы новаго политическаго міровоззрѣнія и научилъ своихъ слушателей діалектическому фехтованію, вооружилъ ихъ технически для борьбы съ демократіей. Составлять политическія программы вовсе не было его дѣломъ; еще дальше отклонялся онъ отъ какой-либо дѣятельности въ клубахъ; и, наконецъ, безусловно враждебно относился Сократъ ко всякимъ попыткамъ ниспроверженія существующаго демократическаго строя. Можно вполнѣ повѣрить его апологетамъ, что на практикѣ и въ личной жизни онъ былъ вѣрнымъ традиціямъ, консервативнымъ гражданиномъ Аѣинъ: ни въ 411 году, ни въ 404 онъ не выступаетъ ни въ какомъ смыслѣ союзникомъ олигарховъ. Но если считать, что софистическая діалектика и критика дала оружіе противъ демократіи, то Сократъ, въ качествѣ гениальнаго аѣинскаго софиста, болѣе всего посодѣйствовалъ этой разрушительной работѣ.

Организація реакціонныхъ клубовъ. Въ смыслѣ практической подготовки антидемократическаго движенія всего больше, повидимому, сдѣ-

лалъ Антифонъ. По мнѣнію Фукидида, это былъ человѣкъ огромныхъ дарованій, настоящій изобрѣтатель новыхъ идей и удивительный мастеръ облекать ихъ въ соответствующія формы рѣчи. Въ демократіи Антифонъ занялъ своеобразное положеніе: онъ избѣгалъ выступать въ народномъ собраніи и вообще въ публичныхъ дебатахъ, но всё боялись могущества его слова, и народъ считалъ его особенно опаснымъ врагомъ своимъ. Въ то же время Антифонъ чрезвычайно охотно консультировалъ людей, которые готовились въ выступленіямъ въ судѣ и въ экклесіи, и никто болѣе его не могъ быть полезенъ политическимъ ораторамъ (разумѣется, враждебнымъ демократіи) ¹².

Это поведеніе выдающагося реакціонера очень характерно для людей его направленія. Условія афинской политической жизни не давали оппозиціи возможности выступать открыто и заставляли ее организоваться въ небольшіе замкнутые кружки. Частные союзы недовольныхъ впервые стали, повидимому, возникать, какъ орудіе самообороны противъ демократіи и ея придирчивыхъ вождей, постоянно подозрѣвавшихъ всюду измѣну и заговоръ. «Друзья» (φίλοι) связываютъ себя круговой порукой, чтобы обезпечить личную безопасность среди вѣчной тревоги демократіи. Гетерія (союзъ товарищей) принимаетъ форму орденскаго соединенія, члены ея даютъ взаимныя клятвы, образуютъ заговоръ. Нечувствительно эти союзы взаимной защиты переходятъ въ орудіе нападенія. Фукидидъ называетъ гетеріи эпохи Пелопоннеской войны *ἑταρομοσία: ἐπὶ δίκαις καὶ ἀρχαῖς* ¹³, т. е. союзами на присягѣ для взаимной поддержки въ судѣ и при выборахъ. Это обозначеніе можно понять въ томъ смыслѣ, что враги демократіи спланивались на выборахъ для того, чтобы провести своего единомышленника или провалить нежелательнаго кандидата. Еще шире они могли примѣнить свою организацію на судѣ. Въ Афинахъ за отсутствіемъ прокуратуры былъ открытъ большой просторъ частному обвиненію, и это создало характерное явленіе афинской жизни, сикофантію: составила особая группа обвинителей и доносчиковъ, у которыхъ политическая тяжба обратилась до извѣстной степени въ промыселъ. Достигнувъ извѣстной силы, гетерія могла выбирать опредѣленную жертву, нанимать доносчиковъ; члены ея соединяли на судѣ свои показанія и оказывали давленіе на присяжныхъ. Съ возрастаніемъ роли гетерій такіе процессы стали служить односторонней травлѣ и истребленію политическихъ дѣятелей, стоявшихъ за демократію.

Демократія боится заговорщиковъ и преслѣдуетъ ихъ; Аристофанъ изображаетъ Клеона въ вѣчной и непримиримой борьбѣ съ членами тайныхъ организацій (*ἑταρομοσία*); вездѣ ему чудится заговоръ. Безпокойство Клеона далеко не есть ложная тревога: составляя тайныя,

запрещенныя закономъ соединенія, клубы сознательно становятся на почву антигосударственную, враждебную дѣйствующему праву демократической республики. Осмѣливаясь все больше и больше, соединяя разрозненные усилія, они, наконецъ, готовятъ насильственный переворотъ съ цѣлью низверженія народнаго правленія (*ξυνομοσία ἄμικτονότατον πρᾶγμα καὶ δήμου καταλύσεως*)¹⁴. Выраженіе Оукидида въ данномъ случаѣ звучитъ какъ бы официальной формулой обвиненія, предъявляемаго заговорщикамъ и революціонерамъ. Возбужденное отношеніе демоса къ неувлимымъ заговорщикамъ весьма понятно: они страшны не только своими цѣлями, но и своимъ настроеніемъ, тѣмъ, что они руководятся какимъ-то сектантскимъ фанатизмомъ. Въ самомъ дѣлѣ, революціонеры, становясь въ непримиримое отношеніе къ существующему строю, создаютъ для себя новое право, которое можно назвать религіознымъ. Они скрѣпляютъ свой союзъ особой клятвой, и въ этой присягѣ весь ихъ законъ. Какъ озлобленные, преслѣдуемые еретики, они жестоко обрушиваются на сочлена, измѣнившаго союзу: нарушеніе взаимной клятвы—это величайшее преступленіе въ ихъ глазахъ, больше того, единственный смертный грѣхъ. Религіозный характеръ гетерій располагаетъ ихъ вмѣстѣ съ тѣмъ къ принятію новыхъ культовъ, въ особенности чужихъ, привозныхъ.

По нѣкоторымъ косвеннымъ даннымъ можно опредѣлить составъ, по крайней мѣрѣ, руководящихъ дѣятелей въ клубахъ. Замѣчательно то обстоятельство, что среди дѣятелей революціи 411 года нѣтъ ни одного военнаго таланта. Θерамень и Фринихъ—весьма посредственные стратеги, а Писандръ, Антифонъ и др. отличаются въ гражданскихъ профессіяхъ; большинство олигарховъ—ораторы, адвокаты, публицисты, дипломаты. Военные элементы, по причинамъ, которыя мы сейчасъ увидимъ, крѣпко держались существующаго строя демократіи; переворота добивались, если такъ можно выразиться, чисто-гражданскіе честолюбцы, общественные дѣятели, уклонявшіеся отъ активнаго участія въ войнѣ, искавшіе иного приложенія своихъ дарованій.

Политическія мечтанія и программы реакціонеровъ. У Оукидида есть любопытное мѣсто, на которое мало обращали вниманія, гдѣ изображены желанія и расчеты олигархической партіи¹⁵. Историкъ рассказываетъ о паникѣ, охватившей сиракузянъ въ 415 году при извѣстіи о приближеніи аѣннской эскадры; по этому поводу онъ выводитъ на сцену мѣстнаго демагога Аѣннагора (личность, можетъ быть, вымышленную, такъ какъ мы не имѣемъ о немъ никакихъ свѣдѣній) и заставляетъ его неожиданно говорить на чисто-аѣнскіе мотивы. Ораторъ напоминаетъ, что онъ непрерывно боролся съ олигархами, постоянно изобличалъ ихъ, слѣдилъ за всѣми ихъ шагами. Онъ спрашиваетъ теперь самымъ

опредѣленнымъ образомъ: «Чего же хотите вы, молодые люди? Можетъ быть, уже теперь занять должности? Но это незаконно; и законъ поставленъ именно потому, что вы еще неспособны (по своему возрасту), а вобще не ради того, чтобы отстранять васъ, если бы вы оказались способны. Или вы не хотите быть на равныхъ правахъ со всей массой народа (*μη μετὰ πολλῶν ἰσочομεῖσθαι*)? Но развѣ не требуетъ справедливость, чтобы всѣ люди данной среды пользовались одинаковыми правами? Я слышу возраженіе, что демократія—далеко не разумный и не справедливый строй, но что капиталисты наилучше способны къ управленію. На это я отвѣчу: во-первыхъ, имя народа охватываетъ цѣлое, а олигархіей называется часть его; во-вторыхъ, правда, что вѣрнѣйшими сберегателями финансовъ являются богатые, но, съ другой стороны, наилучшіи совѣтъ подаютъ умнѣйшіе, а правильнѣе всего рѣшаетъ, по выслушаніи мнѣній, масса; притомъ всѣ эти разряды людей, какъ въ отдѣльныхъ группахъ, такъ и въ цѣломъ, пользуются въ демократіи одинаковымъ положеніемъ (*ισομοιρεῖν*). Что же касается олигархіи, то она предоставляетъ массѣ народа участіе лишь въ опасностяхъ, въ выгодахъ же она присвоиваетъ себѣ лучшую долю, больше того—она беретъ все и ничего не уступаетъ другимъ. Вотъ къ чему стремятся крупные люди изъ вашей среды и вы, молодежь, но въ большомъ городѣ подобное положеніе вещей не можетъ удержаться».

Фукидидовскій Аэинагоръ открываетъ намъ программу и составъ олигархической партіи: она состоитъ преимущественно изъ молодыхъ людей, недовольныхъ условіями службы и порядкомъ занятія должностей въ демократической республикѣ: дѣйствующіе законы и обычаи даютъ мѣсто болѣе пожилымъ элементамъ, народъ не довѣряетъ неопытнымъ юнцамъ и выскочкамъ; они видимо начинаютъ ополчаться противъ самой выборной системы, которая мѣшаетъ имъ выдвинуться. Аэинагоръ обращается къ противникамъ демократіи со словами: «могущественные люди въ вашей средѣ и вы, молодежь», какъ будто разумѣя магнатовъ и ихъ свиту, незрѣлыхъ оруженосцевъ. Весьма вѣроятно, что враги демократіи мечтали о такомъ устройствѣ, при которомъ наверху у власти становятся крупные люди и затѣмъ назначаютъ на мѣста совѣтниковъ и на второстепенные посты нетерпѣливую молодежь, вынужденную, при демократическомъ порядкѣ выборовъ, дожидаться своей очереди. Въ 413—411 г. олигархи дѣйствовали буквально по этой программѣ: они замѣнили выборную систему бюрократическимъ назначеніемъ; ихъ постоянно окружала гвардія золотой молодежи. Другой пунктъ олигархической программы—отмѣна демократическихъ раздачъ и переходъ финансоваго управленія въ руки плутократіи. Сквозь возраженія Аэинагора можно разобрать аргументы олигархической оппо-

зиці: она осуждала демось за расточительность, за неумѣнье орудовать финансами, она требовала управленія специалистовъ, а такими знатоками въ денежныхъ дѣлахъ признавала банкировъ и вообще капиталистической классъ. Демагогъ вскрываетъ тайну ихъ дальнѣйшихъ замысловъ; они мечтаютъ отдать казну въ безконтрольное пользованіе коллегій крупнѣйшихъ обладателей капитала. Лѣтъ 60 спустя, въ IV вѣкѣ, афинское правительство дѣйствительно заполняется представителями крупнаго капитала; въ проектахъ оппозиціи 10-хъ годовъ V вѣка мы впервые встрѣчаемся съ идеей передачи финансовъ въ руки плутократіи.

Противники демократіи искали, помимо того, опоры въ болѣе широкихъ слояхъ населенія, но все съ тѣмъ же основнымъ мотивомъ, чтобы отстранить отъ политики бѣдную и неимущихъ. Появляется ученіе, что самымъ надежнымъ элементомъ государства служить средній слой гражданства (*τὰ μέσα τῶν πολιτῶν*), люди зажиточные, наиболѣе солидные по своимъ привычкамъ, наиболѣе разсчетливые въ своихъ дѣлахъ и вълѣдствіе этого отличающіеся особенно покойнымъ настроеніемъ¹⁶. Средній классъ пытаются опредѣлить въ эту эпоху непрерывныхъ войнъ по степени военноспособности. Зажиточнымъ считаютъ того, кто можетъ на свой счетъ приобрести тяжелое вооруженіе (*δπλα παραχόμενοι*). Отсюда дальнѣйшая мысль о реформѣ государства въ видѣ установленія имущественнаго ценза и передачи активныхъ политическихъ правъ гражданамъ-гоплитамъ.

Въ политикѣ историческія ссылки всегда играли важную роль. Вожди и панегиристы демократіи въ свое время увѣряли, что Атика искони обладала демократическими формами устройства; ея областной герой и святой Тесей, въ ихъ глазахъ, былъ чисто-народнымъ правителемъ; дѣло объединенія страны онъ осуществилъ на условіяхъ общаго равноправія. Сторонники олигархіи пытались теперь въ свою очередь доказать, что старинное устройство Аѳинъ было господствомъ зажиточныхъ, что въ немъ было проведено начало ценза. Одни изъ ученыхъ противниковъ демократіи выяснили, что создателемъ конституціи, гдѣ активное избирательное право передавалось гоплитамъ, былъ Драконтъ. Другіе склонялись къ тому, чтобы связать введеніе имущественнаго ценза съ именемъ Солона. Тому или другому законодателю принадлежала благодѣтельная реформа, но важнѣе было, по мнѣнію ученыхъ реакціонеровъ, результатъ; при господствѣ ценза жизнь Аѳинъ приняла устойчивость; благодаря этому именно строю Аѳины стали велики. Клизеенъ еще не затронулъ разумаго порядка; расшатало государство лишь бурное господство неуравновѣшенной массы. Необходимо вернуть Аѳины къ ихъ старому нормальному строю, къ конституціи отцовъ (*πάτριος πολιτεία, πατρίοι νόμοι*).

Демократическое воинство. Большимъ несчастіемъ для аѳинской демократіи было отклоненіе интеллигенціи въ сторону ея враговъ. Послѣ Клеона у аѳинскаго демоса нѣтъ больше способныхъ и знающихъ вождей. И уже на примѣрѣ Клеона видно, какъ недостаточна была вѣрность и преданность интересамъ демоса, если она не соединялась со специальными дарованіями и техническими свѣдѣніями. Слабость подготовки и безсиліе въ борьбѣ съ искусными и образованными противниками сознается самими демагогами. Въ этомъ смыслѣ Фукидидъ заставляеть Клеона, въ качествѣ тишинаго оратора по вкусу аѳинской массы, формулировать цѣлую философію политической полезности невѣжества и вреда критицизма. «Необразованность въ связи съ самообладаніемъ,—говоритъ онъ¹⁷,—благотворнѣе, чѣмъ умъ, соединенный съ отсутствіемъ дисциплины, и въ сущности государствомъ лучше правятъ простые люди, чѣмъ умники; дѣло въ томъ, что послѣдніе непремѣнно хотятъ быть умнѣе законовъ, направляютъ всѣ политическія рѣшенія по своему усмотрѣнію и губятъ государство, между тѣмъ, какъ первые, не довѣряя собственной проницательности, охотно признають свое ничтожество передъ существующими законами; оттого они несравненно лучше служатъ порядку и берегутъ государство».

Что представляла собой демократія въ виду возрастающей опасности? Со времени самаго своего возникновенія морская демократія была силой очень воинственной и склонной къ захватамъ; военная добыча служила для раздачь среди народа; контрибуціи, взятыя съ побѣжденныхъ, составляли прямую прибыль «корабельной черни». Въ теченіе десятилѣтней войны это положеніе сдѣлалось хроническимъ, масса людей разорилась, лишилась правильнаго заработка, а утоленіе домашней нужды посредствомъ захватовъ со стороны обратилось въ ежедневное нормальное явленіе; аѳинскіе граждане стали постояннымъ войскомъ, непрерывно занятымъ въ экспедиціяхъ, походахъ и осадахъ. Съ заключеніемъ мира воинство осталось безъ дѣла и безъ полученій; многіе не могли уже вернуться къ прежнимъ занятіямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ средѣ солдатъ выработалась большая притязательность; они сознавали себя корпораціей, ставили командиру всякаго рода требованія. Главнокомандующій сицилійской экспедиціи 415 г., Никій, пишетъ въ официальномъ донесеніи аѳинскому народу, что дисциплина въ войскѣ крайне расшаталась: «всего болѣе тягостно для меня то, что въ качествѣ главнаго начальника я ничего не могу подѣлать: трудно вѣдь управлять вашими непокорными натурами»¹⁸. Въ концѣ своего посланія Никій повторяеть замѣчаніе о капризномъ характерѣ аѳинянъ, которые требуютъ благопріятныхъ донесеній съ поля войны, а когда получаютъ отъ этого нежелательные результаты, поднимають обвиненіе

противъ вождей». Получается впечатлѣніе, что Никій приноситъ жалобу на солдатъ народу, а въ народѣ находитъ тѣ же самыя качества, что въ воинствѣ. Онъ невольно отождествляетъ ту и другую среду: солдаты перенесли въ лагерь все повадки и нравы гражданства верховной еkkлесіи, а, съ другой стороны, огромная масса гражданства состоитъ изъ служащихъ въ активной арміи или готовыхъ къ отплытію въ какую-либо новую экспедицію.

Эту массу уже нельзя занять дома. Приходится придумывать новыя и новыя предпріятія, собственно не вызванныя прямыми потребностями государства, исключительно для того, чтобы отвлечь безпокойное воинство. Таковъ, на примѣръ, въ 416 году разгромъ острова Мелоса (въ юго-западной части Эгейскаго моря), державшагося нейтрально за время десятилѣтней войны; единственнымъ основаніемъ для нападенія на Мелось служило то обстоятельство, что община не примкнула къ морской державѣ Аѣны. Въ значительной мѣрѣ такимъ же предпріятіемъ является большая сицилійская экспедиція 415 года. Конечно, этотъ походъ имѣлъ за собой извѣстныя традиціи и примыкалъ къ предшествующей политикѣ Аѣны на западъ; но, съ другой стороны, онъ представлялъ совершенно явно для самихъ инициаторовъ громаднѣйшій рискъ. Если рѣшились броситься въ эту головокружительную авантюру, то, очевидно, имѣлись принудительныя основанія для нея въ домашнихъ условіяхъ: а они и заключались въ безпокойномъ состояніи пролетарскаго воинства. Не одни солдаты готовы были на отдаленныя кампаніи, набѣги и завоевательныя операціи. Въ Аѣнахъ создался за время войны корпусъ офицеровъ; одни и тѣ же лица возвращались постоянно къ командованію; они приобрѣтали опытъ, совершенствовали технику морского, осаднаго и полевого дѣла, становились профессиональными мастерами въ своемъ ремеслѣ. Разъ отказавшись отъ всякаго другого занятія, они уже не знали, куда приложить свои силы и знанія, когда наступили мирныя условія; для нихъ участіе въ новой войнѣ было совершенно необходимо, иначе пришлось бы уходить на службу внѣ родной общины. Выдвинутые воинственной политикой демократіи, стратеги обратно крѣпко держатся за правленіе народа, которое даетъ имъ службу, доходъ и славу.

Наступательная политика Алкивіада въ Пелопоннесѣ. Въ 421 году при заключеніи мира Аѣны занимали очень выгодное положеніе. Если не считать Халкидики, которая въ сущности была почти потеряна въ началѣ войны, республика сохранила свою державу; она удержала безусловное господство на морѣ и разорила своего единственнаго конкурента въ торговлѣ, Коринѣ. Вдобавокъ Аѣны выиграли еще на затрудненіяхъ Спарты. Союзники Спарты, Эивы, Коринѣ, Элида,

не соглашались принять мирныя условія 421 года и открыто поднялись противъ руководящей общины Пелопоннеса. Боясь потерять свой авторитетъ, Спарта предложила Аѳинамъ заключеніе дружественнаго союза. Казалось, что двѣ самыя сильныя общины раздѣлятъ между собой господство надъ всей Греціей и прикончатъ автономію мелкихъ кантоновъ. Но эта возможность мелькнула только краткимъ переходящимъ моментомъ. Прочный миръ со Спартой означалъ бы прекращеніе всякихъ экспедицій, наѣздовъ и захватовъ, обращеніе аѳинскаго воинства къ обычнымъ занятіямъ. Ни ѳеты, ни корпусъ командировъ не могли приспособиться къ формамъ жизни, отъ которыхъ они отвыкли за 10 лѣтъ передвиженій, походовъ и существованія на счетъ добычи. Оставшіеся безъ дѣла военные элементы стали соединяться около Алкивіада, который къ 421 году достигъ возраста политической зрѣлости (род. въ 452 году) и выступилъ кандидатомъ въ стратеги. Алкивіадъ, изъ стариннаго рода Эвпатридовъ, родственникъ Алкмеонидовъ, одинъ изъ участниковъ сократовскаго кружка, лично очень близкій къ Сократу, съ самаго начала своей карьеры опредѣленно идетъ къ военной диктатурѣ. Онъ старается воспользоваться всѣми выгодами, которыя даетъ корпоративность воинства, онъ ставитъ одну за другой заманчивыя цѣли новыхъ завоеваній. Его повадки какъ будто готовятъ къ новому придворно-монархическому быту: грандіозные кутежи въ Аѳинахъ и непомерные долги, точно онъ молодой принцъ, о прихотяхъ котораго долженъ говорить весь городъ; блестящій парадъ на олимпійскихъ играхъ, къ которому первый поэтъ того времени, Эврипидъ, пишетъ по заказу поздравительное стихотвореніе; все это—разсчитанные эффекты, а для враговъ Алкивіада отличный поводъ обвинить его въ оскорбительномъ нарушеніи демократическихъ нравовъ¹⁹. У Алкивіада были, впрочемъ, и другія болѣе крупныя качества: широкій кругозоръ и сильная политическая фантазія, изобрѣтательность въ дипломатическихъ планахъ и комбинаціяхъ, большой даръ быть убѣдительнымъ и, если нужно, очаровательнымъ, гибкость и умѣнье сходиться съ людьми разныхъ лагерей, направленій и даже разныхъ національностей, наконецъ, выдающіяся военныя дарованія. Никогда не была республика такъ близка къ превращенію въ военную тираннію, какъ въ эпоху двукратнаго преобладанія этого политическаго дѣятеля 420—415 и 410—407.

Въ то время, какъ Никій хлопоталъ объ укрѣпленіи дружбы со Спартой, Алкивіадъ выработалъ планъ комбинаціи, которая должна была нанести старой соперницѣ рѣшительный ударъ. Его стараніями была устроена коалиція бывшихъ союзниковъ Спарты, Элиды и аркадской Мантинеи, затѣмъ Аргоса и Аѳинъ. Союзъ четырехъ противъ

Спарты, заключенный въ 420 году, образуетъ явленіе весьма примѣчательное. Всѣ четыре общины были демократіями, Элида, Мантиней и Аргосъ въ противоположность морской аѳинской—сельскими; никогда еще не составлялось въ Греціи такого сильнаго демократическаго союза, притомъ съ такими значительными, разнородными военными силами и въ такой выгодной комбинаціи. Враги стояли у самаго порога Спарты, ихъ территоріи были расположены поясомъ, замыкавшимъ съ сѣвера выходы изъ долинъ Эвроты; у нихъ были крупныя гоплитскія ополченія; при своевременномъ нападеніи съ моря аѳинскаго флота Спарта могла быть сдавлена съ двухъ сторонъ. Алкивиадъ успѣлъ привить въ Пелопоннесѣ нѣкоторыя изобрѣтенія аѳинянъ: онъ посовѣтовалъ Аргосу построить Длинные стѣны на соединеніе города съ морской пристанью; такія же Длинные стѣны онъ предложилъ выстроить городу Патры въ Ахайѣ, около узкаго горла Коринтскаго залива, гдѣ аѳиняне собирались снова загородить выходъ флоту коринтянъ.

Казалось, наступаютъ послѣдніе дни Спарты: она находилась какъ бы въ осадѣ на собственной территоріи. Элейцы были въ такой мѣрѣ увѣрены въ побѣдѣ, что выключили Спарту отъ участія въ олимпійскихъ играхъ, а руководители игръ оскорбили публично одного изъ прибывшихъ на праздникъ знатныхъ спартанцевъ. Однако Спарта вышла благополучно изъ кризиса. Прежде всего ей помогли внутреннія тренія въ союзныхъ общинахъ: отодвинутые отъ дѣлъ олигархи, особенно въ Аргосѣ, не только не желали войны со Спартой, но, напротивъ, искали ея поддержки, чтобы съ ея помощью опрокинуть у себя дома ненавистную демократію. Въ Аѳинахъ сильная партія мира парализовала неистовый натискъ Алкивиада, и въ результатѣ поступили безъ всякой энергіи и послѣдовательности: пелопоннесскимъ союзникамъ было послано недостаточное подкрѣпленіе, а главное—аѳиняне не поддерживали ихъ съ моря. Спартанцы могли безпрепятственно собрать вѣрныхъ имъ союзниковъ и развернуть свои силы; войско, двинутое въ 419 году подъ начальствомъ царя Агиса, сына Архидамы, по мнѣнію Фукидида, было «лучшей арміей, которая когда-либо собиралась въ Элладѣ»²⁰. Главнокомандующій оказался искуснымъ дипломатомъ и стратегомъ; онъ достойно примыкаетъ къ той группѣ даровитыхъ спартанскихъ дѣятелей, которыхъ выдвинула война, начиная съ Брасида и кончая Гилиппомъ и Лисандромъ.

Начало новаго возвышенія Спарты. Выступленіе спартанцевъ произвело такое впечатлѣніе на противниковъ, что Аргосъ предложилъ миръ на выгодныхъ для Спарты условіяхъ, и Агисъ ушелъ домой, распустивъ войско. Алкивиаду еще разъ удалось вооружить силы четвернаго

союза. Снова Агисъ появился въ Аркадіи. Лѣтомъ 418 года произошла большая битва между спартанцами и арміей союза четырехъ при Мантиней; Агисъ одержалъ блестящую побѣду. По этому поводу Фукидидъ описываетъ строй спартанскаго войска, очень непохожій на ополченія демократическихъ республикъ. У спартанцевъ штабъ не составляетъ коллегіи, какъ у аѳинянъ; приказы, исходящіе отъ главнокомандующаго-царя, быстро передаются по ступенямъ служебной лѣстницы, сначала полемархамъ, потомъ лохагамъ, пентеконтерамъ, наконецъ, эномотархамъ, начальникамъ отдѣльныхъ взводовъ. Фукидидъ считаетъ іерархическое строеніе спартанскаго войска особенно пригоднымъ для быстрыхъ согласованныхъ дѣйствій на войнѣ²¹.

Въ спартанской политикѣ намѣчается что-то новое. Община, до тѣхъ поръ медлительная и консервативная, начинаетъ разворачивать широкую программу военныхъ дѣйствій, направленную къ вытѣсненію аѳинскаго империализма и замѣнѣ его спартанскимъ. Перемѣна вишней политики въ значительной мѣрѣ—результатъ внутренняго переворота въ Лаконіи. Число полноправныхъ гражданъ въ теченіе V вѣка идетъ послѣдовательно на убыль. Въ 480 году ко времени нашествія Ксеркса спартиатовъ насчитывали до 8.000; въ Платейской битвѣ они выступаютъ большимъ корпусомъ ополченія въ количествѣ 5.000 человекъ. Пятьдесятъ лѣтъ спустя, ко времени Пелопоннесской войны они образуютъ лишь небольшую отборную гвардію; 120 спартиатовъ, плѣненныхъ при Сфактеріи, составляли такой большой процентъ гражданства, что община почувствовала себя пораженной въ самомъ существѣ своемъ и немедленно стала просить мира у Аѳинъ. Уменьшеніе военнаго состава въ центрѣ заставило Спарту прибѣгать къ усиленному вызову ополченій отъ союзныхъ общинъ. Сохраняя типъ и задачи военнаго государства, спартанская аристократія стала вести свои предпріятія преимущественно посторонними силами, между прочимъ наемниками, къ которымъ назначались спартанскіе офицеры (ξενικοί). По всей вѣроятности сокращеніе состава спартиатовъ было не столько вымираніемъ сословія, сколько послѣдствіемъ экономическаго его паденія. Уменьшилось количество землевладѣльцевъ, и земли сосредоточились въ рукахъ немногихъ. Правда, въ Спартѣ запрещена была свободная мобилизація надѣловъ, не допускалась покупка участковъ, но концентрація земли въ рукахъ немногихъ богачей происходила тѣмъ не менѣе безпрепятственно путемъ обходнымъ, посредствомъ дареній, приданыхъ, боковыхъ наследованій и т. д. Для тѣхъ, у кого хозяйство приходило въ упадокъ или кто вовсе лишался надѣла, получались очень опредѣленные результаты: обѣднѣвшіе спартиаты не могли поддерживать общественное положеніе, необходимое для столичнаго гражданства, не могли принимать

участіе въ товарищескихъ кружкахъ и переходили изъ состава полнoправныхъ (*βιοται*) въ разрядъ «худшихъ» (*ὕπομνηστας*).

Съ другой стороны, въ Спартѣ сложилась настоящая олигархія крупныхъ земельныхъ собственниковъ; среди нихъ, повидному, очень выдавались своими владѣніями обѣ царскія династіи. Земельные магнаты уже не желали болѣе служить рядовыми, хотя бы и въ гвардіи: они считали достойнымъ себя лишь званіе высшихъ офицеровъ, командировъ, намѣстниковъ, пословъ, членовъ штаба, комиссаровъ и т. д. Ихъ не удовлетворяли болѣе мелкія порученія и командованія въ предѣлахъ Пелопоннеса или вообще европейской Греціи; они естественно стали глядѣть по линіямъ широкой политики, созданной аѳинянами, стремиться къ тому, что называлось въ Греціи общей гегемоніей. Помимо вожделѣннѣйшаго магнатства, Спарту вела къ той же империалистической программѣ необходимость занять многочисленные элементы общества, сбитые со своего положенія, и прежде всего устроить какъ-нибудь обезземеленныхъ бѣдныхъ спартиатовъ, въ паденіи которыхъ больше всего виновата была сама господствующая группа. Разоренное дворянство, неспособное перейти къ какимъ-либо промышленнымъ занятіямъ, частью примыкало къ дворамъ магнатовъ, кормилось у нихъ въ качествѣ свиты; другіе готовы были искать наемной службы за границей. Задорное, вольнолюбивое, негодное къ мирному труду сословіе представляло опасный элементъ для правительства земельной олигархіи: при недостаткѣ вѣдшихъ отвлеченій оно поднимало заговоры и волненія внутри государства.

Въ Спартѣ, такимъ образомъ, имѣлся рядъ условій, толкавшихъ на завоевательную широкую политику; жадное до мѣстъ высшее офицерство и чиновничество, свиты его вассаловъ, большія группы незапятнанныхъ военныхъ элементовъ. Не было одного—финансовой системы, подобной аѳинской. Этотъ недостатокъ поставилъ скоро Спарту въ зависимое отношеніе отъ персидской державы.

Мантинейская битва повела къ совершенному разстройству союза четырехъ и къ крушенію вообще пелопоннесскихъ демократій. Въ Аргосѣ взяла верхъ олигархія, которая и помирилась со Спартой. Побѣда Агиса смыла позоръ, нанесенный сдачей Сфактеріи въ 424 г., и снова возродила репутацію спартанской непобѣдимости. Авторитетъ ея въ Пелопоннесѣ былъ восстановленъ. Представители военной партіи въ Спартѣ ждали теперь случая перенести дѣйствія за Истмъ; открывалась перспектива завоеванія гегемоніи надъ всей Греціей и вытѣсненія державнаго положенія Аѳинъ. Но настоящая возможность явилась, лишь когда аѳиняне сами оттянулись въ сторону свои главныя силы.

Подготовка великаго похода аѳинянъ на западъ. Въ Аѳинахъ крушеніе воинственной политики Алкивіада подняло шайсы партіи мира и сторонниковъ умѣренности съ Никіемъ во главѣ. Въ то же время вождь радикальной демократіи, Гиперболъ, по своему званію богатый фабрикантъ лампъ, возымѣлъ планъ отдѣлаться отъ безпокойнаго претендента на военную монархію. Народу было предложено высказаться тайнымъ голосованіемъ относительно лица, подлежащаго удаленію изъ города. Алкивіадъ ловкимъ шагомъ отклонилъ ударъ. Онъ вошелъ въ соглашеніе съ членами олигархическихъ клубовъ, а затѣмъ вступилъ въ переговоры со своимъ соперникомъ Никіемъ. Алкивіадъ представилъ Никію, что народъ будетъ выбирать между ними обоими, и опасность грозитъ имъ одинаково; поэтому лучше имъ примириться и соединить свои голоса противъ автора предложенія, Гипербола. Никій былъ настолько слабъ, что пошелъ на компромиссъ, и въ результатъ народное собраніе большинствомъ голосовъ высказалось за изгнаніе Гипербола. Исходъ остракизма крайне раздражилъ народъ. Старинное, повидимому, испытанное средство для политическихъ конфликтовъ оказалось неподнымъ, а демагоги въ борьбѣ съ претендентами показали полное безсиліе. Враги демократіи могли вдоволь насмѣяться надъ ея опозореніемъ. Клеонъ, хочется невольню думать, не попался бы на такую ловушку. А демагоги становятся одинъ ничтожнѣе другого. Преемники Клеона съ 421 по 405 г., Гиперболъ, Андроклъ, Клеофонъ, лишены таланта и широкаго кругозора.

Сорвавшись на пелопоннесской политикѣ, Алкивіадъ схватился за организацію новаго отдаленнаго предпріятія, которое открывало чрезвычайно широкія перспективы. Въ Аѳины пріѣхало въ 416 г. посольство изъ сицилійскаго города Эгесты просить помощи противъ тѣснившаго его Селинунта, позади котораго стояла крупнѣйшая община Сициліи, Сиракузы. Эгестяне ссылались на старинный свой договоръ съ Аѳинами; они указывали на опасность, которую представляютъ для аѳинянъ сами Сиракузы, и на необходимость для Аѳинъ вмѣшаться въ дѣла Сициліи. Въ самомъ дѣлѣ, Сиракузы, казалось, находятся на пути къ объединенію всѣхъ сицилійскихъ грековъ. Какой видъ можетъ принять это объединеніе, показывалъ примѣръ сосѣднихъ съ Сиракузами Леонтинъ. Когда леонтинскій демосъ задумалъ произвести передѣлъ земли, олигархи города обратились къ Сиракузамъ. При помощи сиракузянъ простонародье Леонтинъ было побѣждено и подверглось изгнанію. Территорію Леонтинъ присоединили къ Сиракузамъ, а леонтинскіе олигархи вступили въ число сиракузскихъ гражданъ и остались жить въ принявшей ихъ общинѣ. Мелкое землевладѣніе въ Леонтинахъ уступило мѣсто крупному; вмѣстѣ съ тѣмъ область запустѣла, а на ея счетъ выросло

населеніе Сиракузь. Въ свою очередь Аѣины не остались бы безъ союзниковъ въ Сициліи: они могли здѣсь опереться на группу іонійскихъ городовъ, т.-е. Наксосъ, Катану и Мессану, а также разсчитывать на туземное населеніе Сициліи, задвинутое греческими колонистами въ глубь страны и готовое отвоевать себѣ берега при помощи посторонней силы.

Когда докладъ о сицилійскихъ дѣлахъ былъ сдѣланъ въ совѣтѣ и въ еkkлесіи, аѣиняне прежде всего заинтересовались состояніемъ финансовъ Эгесты: можетъ ли городъ поддерживать на свои средства аѣинскую экспедицію, если она будетъ послана въ Сицилію? Особая комисія отправилась въ Эгесту, чтобы убѣдиться въ наличности крупныхъ запасовъ золота и серебра. Здѣсь не обошлось безъ обмана. Эгестяне развили показной блескъ; между прочимъ они таскали по разнымъ домамъ, гдѣ обѣдали аѣинскіе послы, одну и ту же посуду изъ драгоценнаго металла; затѣмъ они прислали въ Аѣины 60 талантовъ серебра въ качествѣ мѣсячнаго содержанія экипажа на 60 тріерахъ. Предпріятіе, до тѣхъ поръ вызывавшее сомнѣнія, стало все болѣе увлекать умы аѣинянъ. Народное собраніе рѣшило послать въ Сицилію 60 военныхъ кораблей и отдать командованіе Никію, Алкивіаду и Ламаху. Порученіе состояло официально въ томъ, чтобы экспедиція помогла возстановленію Леонтинъ, поддержала Эгесту противъ Селинунта и вообще устроила сицилійскія дѣла на справедливыхъ основаніяхъ. Но въ широкихъ кругахъ аѣинскаго общества распространялись гораздо болѣе грандіозные замыслы, и ихъ-то особенно развивалъ Алкивіадъ: имѣлось въ виду овладѣть Сиракузами и сдѣлать Сицилію опорой въ дальнѣйшихъ завоеваніяхъ, итти потомъ къ захвату Италіи, а также Карѣягена и Африки съ тѣмъ, чтобы доставить Аѣинамъ господство надъ всѣмъ Средиземнымъ моремъ. Никія провели въ противовѣсъ Алкивіаду, но собственно Никій былъ противникомъ всей затѣи. Уже послѣ того, какъ былъ порѣшенъ походъ, онъ попытался выступить съ настойчивыми возраженіями въ народномъ собраніи. Опять мы встрѣчаемся въ аѣинской жизни съ тѣмъ фактомъ, что важнѣйшія постановленія народа вновь подвергаются пересмотру. Никій очень правильно указывалъ на ненадежность положенія Аѣинъ, на необходимость укрѣпить позиціи въ самой Элладѣ, прежде чѣмъ протягивать руку за далекой добычей. Онъ надѣялся далѣе отклонить народъ отъ опасной войны на отдаленномъ театрѣ, представивъ всѣ ея трудности: по его мнѣнію, успѣхъ возможенъ лишь въ томъ случаѣ, если будутъ снаряжены силы несравненно большія. Онъ достигъ противоположнаго результата, и лишь еще болѣе воспламенилъ массу. Рѣшено было увеличить эскадру, собрать еще больше ополченія. Проектъ Алкивіада заинтересовалъ людей разныхъ классовъ; капиталисты охотно жертвовали значительныя

суммы на снаряженіе кораблей, экипировку воиства, снабженіе экспедиціи провіантомъ. Съ военнымъ флотомъ собирались выѣхать торговыя суда, владѣльцы которыхъ мечтали о непосредственномъ пристуѣ къ коммерческимъ операціямъ въ западныхъ водахъ. Такимъ образомъ аѳинская паралія, въ лицѣ своихъ богатѣйшихъ представителей, еще не остыла къ мысли о колоніальныхъ захватахъ; она какъ будто переживала новый порывъ героическаго имперіализма.

Сицилійская экспедиція. Эскадра, выѣхавшая лѣтомъ 415 г., состояла изъ 134 гріеръ, среди нихъ 100 собственно аѳинскихъ; на транспортахъ везли армію въ 6¹/₂ тысячъ воиновъ, между ними немалое количество гоплитовъ изъ зажиточнаго аѳинскаго гражданства; морской экипажъ состоялъ изъ 25.000 человекъ; отправилось около 1/3 всего класса еетовъ. Весь городъ, вся масса народа, граждане и чужестранцы, спустились въ гавань, кто проводить своихъ близкихъ, кто поглядѣть на «грандіозное и невѣроятное предпріятіе. До сей поры ни одинъ городъ никогда не выпускалъ военнаго флота, который бы стоилъ такъ дорого и былъ такъ великолѣпно снаряженъ»²². Въ составѣ экспедиціоннаго корпуса были каменщики и плотники, специалисты по возведенію укрѣпленій. Эта подробность открываетъ намъ своеобразный планъ аѳинской стратегіи. Во время десятилѣтней войны Аѳины блестяще выдержали *ἐπιτεχισμός*, крѣпостную защиту. Считая себя первоклассными мастерами въ этомъ способѣ боя, аѳиняне заранѣе предполагали примѣнить къ Сиракузамъ и другимъ городамъ Сициліи крѣпостную войну въ широкихъ размѣрахъ, при чемъ себѣ отводили роль нападающихъ: Никій потомъ занять сооруженіемъ вокругъ Сиракузъ громадной стѣны съ фортами, которая должна была изолировать и запереть городъ съ суши.

Фукидидъ видитъ главную ошибку аѳинянь въ томъ, что они отступили отъ осторожныхъ традицій перикловской политики, потянулись за далекимъ приобрѣтеніемъ, не развязавъ себѣ рукъ дома, не обезпечивъ своего положенія въ Элладѣ. По мнѣнію историка, аѳиняне задумали подчинить Сицилію, не имѣя истиннаго представленія ни о размѣрахъ острова, ни о количествѣ его населенія, эллинскаго и варварскаго, и не давая себѣ яснаго отчета въ томъ, что начатая ими война по трудности не уступаетъ только что выдержанной борьбѣ съ пелопоннесцами²³. Можно ли согласиться съ историкомъ въ томъ, что эта экспедиція была въ дѣйствительности столь опрометчивой, неразумной затѣей? Или Фукидидъ дѣлаетъ только обратное заключеніе отъ несчастливаго исхода къ необдуманности замысла?

Въ сицилійскомъ предпріятіи 415 года есть обстоятельства, вызывающія недоумѣніе. Почему аѳиняне не пытались возобновить гораздо

болѣ близкія задачи, почему они покинули мысль о возвращеніи городовъ еракійскаго побережья, почему не старались обезопасить себя со стороны Пелопоннеса, хотя можно было ожидать наступательныхъ дѣйствій Спарты, почему вмѣсто всего этого они бросились въ отдаленную кампанію, полную риска? Одинъ отвѣтъ напрашивается самъ собой: такова была обычная психологія аонянъ, сложившаяся въ своего рода національный характеръ. Не разъ въ своей великодержавной исторіи они дѣлають ту же роковую ошибку: принимаются за нѣсколько крупныхъ дѣлъ сразу, тянутся за далекимъ, когда не рѣшено близкое, при чемъ разсчитываютъ силой широкаго размаха разрубить все ближайшія непосредственныя затрудненія. Въ этомъ смыслѣ на сицилійскую экспедицію похожъ египетскій походъ 459 года, предпринятый въ то время, когда надъ Аоинами также грозно висѣла война съ пелопоннесцами. Въ египетскомъ походѣ, казалось, даже несравненно болѣе риска; вѣдь тогда аоиняне нападали на самого великаго царя въ его владѣніяхъ, боролись противъ его неисчерпаемыхъ силъ. Въ Сицилии они имѣли дѣло съ одной, правда, крупной, но плохо вооруженной общиной. Взятіе Сиракузъ не представляло ничего невѣроятнаго. Лѣтомъ 414 года Никій стѣснилъ осажденный городъ въ такой мѣрѣ, что предстояла почти неминуемая его капитуляція; неудачи аонянъ начались съ момента, когда совершенно неожиданно въ Сиракузы пробился Гилипъ съ вспомогательными силами. Извѣстно далѣе, что въ Сиракузахъ имѣлась партія, готовая передать городъ въ руки аонянъ. Можетъ быть, это обстоятельство имѣло болѣе широкое значеніе, чѣмъ кажется на первый взглядъ. Въ Сиракузахъ существовала демократія, во многомъ похожая на аонскую. Не было ли нѣкотораго взаимнаго тяготѣнія между аонскими оетами и сиракузскимъ простонародьемъ? Если возможна была круговая порука олигархій, то отчего не допустить возникновенія мысли о подобномъ же союзѣ низшихъ классовъ, и именно въ средѣ тѣхъ общинъ, гдѣ эти классы понемногу превращались въ пролетарское корпоративное воинство? Въ меньшихъ размѣрахъ такая коалиція осуществилась потомъ между демосомъ Аоинъ и Самоса.

Какъ бы ни были сильны мотивы подобнаго рода, они не оставили слѣда въ литературѣ, и это понятно. Интеллигенція отошла отъ массы, и у демократіи не было своей публицистики, не было вообще органа для выраженія своихъ настроеній. Нѣкоторое представленіе о мечтахъ аонскаго народа этого времени даетъ комедія Аристофана «Птицы», поставленная въ самый разгаръ великихъ надеждъ, связанныхъ съ сицилійскимъ предпріятіемъ. Тутъ изображены аоиняне, которые безпокойно блуждаютъ, неудовлетворенные своей тѣсной родиной; раздобывши себѣ крылья, они отдѣляются отъ жалкой земной юдоли и со-

здають въ буквально́мъ смыслѣ воздушный замокъ между небомъ и землею; тамъ они блаженствуютъ, оттирають людей отъ боговъ, и въ концѣ-концовъ вождь новыхъ окрыленныхъ Аѳинъ требуетъ себѣ отъ напуганныхъ небожителей въ жены молодую красавицу-богиню Басилею, т.-е. царственность. Ядовитый комикъ опять тонко подмѣтилъ слабость демоса и закрѣпилъ ее ловко придуманнымъ словечкомъ. Его карикатуру не трудно перевести на реальный языкъ. Въ головахъ смѣлыхъ аѳинскихъ моряковъ, которые за время долгой войны какъ бы оторвались вовсе отъ почвы, бродили фантастическія идеи, слагавшіяся въ какой-то бредъ о «господствѣ надъ міромъ царственного народа». Руководители народа и карьеристы, въ родѣ Алкивіада, строившіе на подвижности массы свои планы, были не въ силахъ совладать съ напиравшимъ на нихъ воинствомъ, которое, въ свою очередь, не могло приспособиться къ условіямъ мирной жизни. Для того, чтобы утолить горячее воображеніе народа неутомимыхъ плователей, имъ оставалось только разрисовать широкія перспективы покоренія далекаго западнаго края, лежавшаго у предѣла доступнаго тогда міра.

Процессъ гермокопидовъ. Отплытіе сицилійской экспедиціи, исходъ которой имѣлъ такое роковое значеніе для Аѳинъ, совершалось среди сильной политической тревоги. Нервное настроеніе народа дошло до паники подъ впечатлѣніемъ крупнѣйшаго религіозно-политическаго процесса, какой только видѣли Аѳины.

За нѣсколько дней до выхода флота въ море оказались изуродованными ночью такъ наз. гермы, т.-е. старинныя религіозныя статуи, стоявшія на улицахъ. Въ народѣ было и безъ того много мрачныхъ предчувствій, усилившихся еще болѣе подъ впечатлѣніемъ разныхъ предсказаній; понятно, что происшествіе это вызвало необыкновенный страхъ. Было рѣшено передать совѣту 500 чрезвычайныя полномочія для веденія слѣдствія по розыску виновныхъ въ нарушеніи святости и вмѣстѣ съ тѣмъ принимать доносы отъ людей всѣхъ званій, въ томъ числѣ рабовъ, уже не ограничиваясь дѣломъ о гермахъ, а также по всякому иному оскорбленію религіи. Народъ считалъ, какъ говоритъ Фукидидъ, что дѣло служить дурнымъ предзнаменованіемъ для предпринимаемаго морского похода; съ другой стороны, подозрѣвали здѣсь руку тайнаго общества, направленнаго къ насильственному ниспроверженію демократіи ²⁴. Нѣкоторые метойки и слуги показали, что видѣли кутиащую молодежь за предѣлками подобнаго рода; называли Алкивіада, жизнь котораго вообще представлялась несоотвѣтствующей демократическимъ обычаямъ; его, правда, обвиняли не въ уродованіи гермъ, а въ томъ, что онъ пародировалъ въ одномъ частномъ домѣ таинства Элевсинскихъ священнодѣйствій, или мистерій. Процессъ гермокопи-

довъ, т.-е. уродователей гермъ, и соединенное съ нимъ обвиненіе въ оскорбленіи мистерій вскрываетъ интересныя черты религіознаго настроенія аѳинскаго народа, которое было бы иначе невидно намъ за шумными и драматическими событіями виѣшней исторіи.

Необычайное возбужденіе массы аѳинянъ по поводу разбитыхъ гермъ объясняется приливомъ особенно горячей и нервной религіозности въ народѣ. Такое возбужденное благочестіе видно и въ другихъ фактахъ. Въ послѣдніе годы большой войны, когда не было ни средствъ на крупныя постройки, ни досуга, казалось бы, для такихъ занятій, среди отчаяннаго положенія всѣхъ дѣлъ, аѳиняне съ величайшей ревностью, какъ никогда, возводятъ святилища и алтари, украшаютъ храмы статуями, одаряютъ своихъ боговъ и святыхъ, возстановляютъ забытые культы. Понятно, что эта суевѣрная, напуганная, усердно молящаяся толпа стала необыкновенно чувствительной ко всему, что затрогивало ея религіозные вкусы и привычки, и сдѣлалась одновременно нетерпимой до крайности. Надо признать, вмѣстѣ съ тѣмъ, что съ повышенной консервативной религіозностью встрѣтилось религіозное новаторство, столкнулась пропаганда какихъ-то чужихъ обрядныхъ формъ и теологическихъ понятій. Едва ли оскорбленіе традиціонныхъ образовъ было обыкновеннымъ безчинствомъ кутилъ. Да и почему бы они напали именно на такой способъ дурной шутки? Въ уродованіи гермъ сказалась, повидимому, система, замыселъ. Правда, трудно допустить, съ другой стороны, что въ дѣлѣ участвовали настоящіе фанатики-иконоборцы; скорѣе произошла симуляція иконоборства, поддѣлка подъ фанатическій актъ. Такъ или иначе, принимать ли уродованіе гермъ и пародированіе мистерій за мальчишество, или за провокацію, все равно видно, что въ Аѳинахъ распространялись въ это время религіозныя понятія, расходившіяся съ господствующимъ культомъ. Приблизительно вѣрно опредѣляли и людей, прикосновенныхъ къ религіознымъ новшествамъ. Ихъ искали среди клубовъ и тайныхъ обществъ, въ которыхъ соединялась недовольная, злившаяся на демократію интеллигенція. Очень возможно, что нѣкоторыя гетеріи возникали подъ прямымъ воздѣйствіемъ известной религіозной идеи. Во всякомъ случаѣ, образованные, напитанные философій участники клубовъ были склонны къ усвоенію новыхъ раціоналистическихъ или мистическихъ теорій. Недаромъ также и Алкивіада подозрѣвали въ пародированіи мистерій. Незадолго до того Эвполисъ представилъ въ комедіи «Баптъ» (окунатели) Алкивіада и его компанію въ качествѣ ревностныхъ поклонниковъ дикой оргіастической еракійской богини Котитто.

Не надо удивляться этимъ негреческимъ чертамъ аѳинской жизни. Именно Аѳины, благодаря широкой торговлѣ и отдаленнымъ сношеніямъ,

стали средоточіемъ не только иностранныхъ модъ, повадокъ и космополитическихъ кушаній (надъ чѣмъ смѣется авторъ олигархической Политіи), но также религіозныхъ ученій, притекавшихъ съ Востока, изъ Египта и варварскихъ странъ Европы. Весьма возможно, что среди занесенныхъ обрядовъ и богословскихъ теорій появилось теченіе пуританское, враждебное культу иконъ, тѣмъ болѣе, что въ семитскомъ мірѣ оно какъ разъ получило къ этому времени значительную силу. Это теченіе могло придтись очень по вкусу сократовскому кружку, хотя разные характеры по различному реагировали: серьезный Сократъ сталъ учить о великомъ Эросѣ, проникающемъ мировую жизнь²⁵, о взаимномъ тяготѣніи элементовъ силой вселенской любви; разгульный, флиртвольный Алкивиадъ доставлялъ себѣ удовольствіе пародіями на грубоватыя, наивныя старинныя мистеріи.

Какое мѣсто занимаетъ въ дѣлѣ гермокопидовъ и пародированіи мистерій политическій элементъ? Со временъ Діонейоа въ Афинахъ такъ повелось, что нарушитель традиціонной религіи непременно долженъ былъ подпасть обвиненію въ политической неблагонадежности. Въ тревожный моментъ отправки сицилійской экспедиціи партіи не могли не воспользоваться такимъ удобнымъ случаемъ для обвиненія своихъ противниковъ. Если вѣрно, что уродованіе гермъ было симуляціей, то провокаторы, повидимому, исходили изъ среды олигархическихъ клубовъ и цѣлью ихъ было создать панику въ народной массѣ. Одинъ изъ арестованныхъ по дѣлу гермокопидовъ, выдающійся судебный ораторъ Андокидъ, признался, что гетерія, къ которой онъ принадлежалъ, виновна въ злодѣйственномъ оскорбленіи святыни. Въ свою очередь и демагоги, среди которыхъ въ то время выдавались Писандръ и Андроклъ, старались овладѣть положеніемъ и запутать своихъ враговъ, т.-е. олигархическіе клубы и Алкивиада. Когда было названо имя Алкивиады, онъ потребовалъ немедленнаго разслѣдованія и суда до своего отъѣзда въ экспедицію. Но противники опасались его популярности и непосредственнаго обаянія его личности среди массы; они добились отсрочки процесса, и флотъ отправился въ далекій путь. Процессъ гермокопидовъ, со своими колоссальными доносами, нервными, рѣзкими поворотами настроеній, знаменуетъ вообще упадокъ политическаго сознанія въ Афинахъ. Демагоги ополчаются противъ политической комедіи за ея оппозицію и критику. Въ томъ же или слѣдующемъ году проходитъ въ народномъ собраніи предложеніе демократа Сиракозія, запретившее личныя нападки и политическія народніи на сценѣ. Запретъ уничтожилъ въ сущности политическую комедію въ Афинахъ послѣ недолгаго періода ея процвѣтанія, а вмѣстѣ съ нею, можно сказать, окончила свои дни свобода слова, столь прославленная Геродотомъ *ισχυροτάτη*.

Измѣна Алкивіада. Аѳинскій флотъ безпрепятственно доѣхалъ до Сициліи и засталъ полную неорганизованность тамошнихъ грековъ. Въ Сиракузахъ, правда, вождь олигархической партіи Гермократъ настаивалъ на энергичной оборонѣ и даже предлагалъ предупредить появленіе аѳинской эскадры встрѣчнымъ нападеніемъ на морь. Но его предложенія не встрѣтили сочувствія. Сиракузяне не успѣли выстроить военные корабли, и даже оставили незащищенной гавань. Города, враждебные Аѳинамъ, не позаботились объ устройствѣ союза и организациі взаимной помощи. Мнѣнія трехъ аѳинскихъ стратеговъ раздѣлились. Никій думалъ ограничиться исполненіемъ officialнаго порученія, только помочь Эгестѣ и Леонтинамъ; Ламахъ настаивалъ на немедленной атакѣ противъ Сиракузъ; восторжествовало среднее мнѣніе Алкивіада, который предложилъ утвердиться въ дружественныхъ городахъ, постараться сначала изолировать Сиракузы и Селинунтъ и лишь послѣ этихъ предварительныхъ мѣръ приниматься за рѣшительныя военныя операціи.

Когда аѳинскій флотъ вошелъ на стоянку въ гавань Катаны, изъ Аѳинъ прибылъ государственный корабль Саламинія съ приказомъ арестовать Алкивіада: въ отсутствіе его противники добились цѣли и доказали его виновность. Алкивіадъ не рѣшился оказать сопротивленіе и не подумалъ апеллировать къ воинству; аѳинскіе гоплиты и моряки не поддержали бы такой попытки тиранническаго возмущенія противъ демократіи. Но на дорогѣ Алкивіадъ бѣжалъ въ Пелопоннесъ; тотчасъ же онъ былъ приглашенъ въ Спарту, гдѣ легко поняли, какую цѣнную силу можно приобрести въ этомъ геніальномъ измѣнникѣ. Алкивіадъ сошелся съ партіей войны, особенно съ царемъ Агисомъ.

Измѣну Алкивіада принято разсматривать, какъ рѣзкій примѣръ разрушительнаго дѣйствія новой морали софистовъ, безпредѣльнаго критицизма ихъ школы и въ особенности, какъ ужасающій результатъ индивидуалистической теоріи, объявлявшей право сильного верховнымъ закономъ. Разсуждая такъ, новѣйшіе европейскіе ученые въ сущности повторяютъ построеніе Платона. Философъ греческой реакціи, рассорившись со своими учителями, софистами, далъ драматическую картину аѳинской республики, допустившей разнузданную свободу интересовъ, разбѣдаемой ученіями лжефилософовъ и неспособной сдержать вырастающаго въ его нѣдрахъ будущаго тирана. Демократія, организациі слабыхъ, старается заглушить естественное право искусственно придуманнымъ закономъ; съ этой цѣлью она хитро обставляетъ общественное воспитаніе. Тѣхъ, кто отъ природы обладаетъ сильнымъ умомъ и волей, стараются, какъ молодыхъ львовъ, дисциплинировать съ юности, пока натура еще гибка и податлива, обмануть всякими фикціями и вос-

питать въ духѣ признанія общей равноправности. «Но разъ появился человѣкъ, у котораго природа сильна и неискоренима, онъ въ извѣстный моментъ стряхнетъ съ себя всѣ путы, разорветъ всѣ грамотки, чары и заговоры, которыми его окружили, какъ волшебнымъ кругомъ, такъ же, какъ всѣ противоестественные законы, и нашъ рабъ становится деспотомъ, окружая ослѣпительнымъ свѣтомъ фактъ естественнаго права сильнаго»²⁶. Драма, сочиненная Платономъ, очень красива и сильна, но слишкомъ наивна, чтобы быть исторіей. По мнѣнію философа, демократія сама выработала въ себѣ тотъ ядъ, отъ котораго погибла; бѣда была провозглашать устами софистовъ естественное право, отъ этого рушился весь карточный домикъ демократическихъ фкцій. Подобный взглядъ преувеличиваетъ вліяніе на жизнь теорій и признаетъ какъ бы полезнымъ держать самыя опасныя мысли подъ запоромъ. Безъ сомнѣнія, Алкивіадъ и олигархи-революціонеры умѣли искусно вставлять въ апологію своей политики аргументы современной критической философіи, но не потому же они бросились подрывать общественный строй родного города, что ихъ вдохновилъ разрушительный жаръ ученія о естественномъ правѣ.

Политическія измѣны, подобныя тѣмъ, среди которыхъ прошла жизнь Алкивіада, его сближеніе съ персами, все это—явленія не новыя въ Греціи; примѣры ихъ есть въ Аѣнахъ и въ Спартѣ за 100 лѣтъ до того, въ эпоху національной войны, среди общаго подъема патріотизма, когда измѣной завершили свою карьеру два талантливейшихъ грека, Ѳемистоклъ и Павсаній. Ново въ исторіи Алкивіада только одно: возможность такъ долго и съ такимъ успѣхомъ лавировать между враждующими силами, Аѣнами, Спартой и персами. И Ѳемистоклъ, и Павсаній очутившись за предѣлами родной общины, оказались политически безсильными, лишенными всякихъ средствъ для приложенія своихъ талантовъ. Ко времени Алкивіада произошла существенная перемѣна въ мірѣ греко-персидскихъ отношеній. Въ споры грековъ вступилъ новый факторъ, финансовая сила персовъ, при посредствѣ которой самая консервативная община Греціи, Спарта, быстро превратилась въ плутократію и стала располагать не меньшими ресурсами, чѣмъ аѣнская держава. Алкивіадъ сумѣлъ найти доступъ къ этому источнику и стать посредникомъ между новыми союзниками. На томъ же сѣѣпленіи интересовъ основана международная дипломатія другого политика, въ своемъ родѣ похожаго на Алкивіада, именно Лисандра, побѣдителя Аѣннъ. Вообще за полвѣка отъ катастрофы Ѳемистокла до бѣгства Алкивіада кантональныя формы жизни сильно расшатались и ослабѣли: ополченія начинаютъ вытѣсняться наемниками, Греція все болѣе заполняется эмигрантами, разсыпавшимися во всѣ стороны. Гибели общинныхъ

связей много содѣйствовала суровая централизація Аѳинъ, а, съ другой стороны, притягательная роль новаго культурнаго и промышленнаго центра Эллады. Но аѳиняне и сами, развивши въ себѣ империалистическую жадность, утратили свой старый мелко-общинный обликъ, и Алкивиадъ—настоящій продуктъ новой аѳинской интернаціональной суетоки, промышленной и военной ненасытности; для него не существуетъ роднаго города, потому что городъ этотъ самъ обратился въ лабораторію безпредѣльныхъ затѣй, въ арену кипящихъ страстей, въ мѣсто дѣлежа чужихъ, захваченныхъ силой, богатствъ. Не теоріи же, наконецъ, создали этотъ новый греческій адъ!

Осада Сиракузъ. Послѣ отозванія и бѣгства Алкивиада сицилійское предпріятіе пошло безъ прежней энергіи. Никій удачно высадился подъ Сиракузами и разбилъ городское ополченіе, но вслѣдъ за этой побѣдой отъѣхалъ опять къ Катанѣ. Всю зиму 415—414 г. аѳиняне не предпринимали никакихъ новыхъ военныхъ операцій. Здѣсь много значить то обстоятельство, что далекій походъ былъ плохо финансированъ, и что армію предоставили собственной участи, не организовавъ снабженія ея припасами и средствами изъ центра державы. Эскадра и войско должны были сами добывать себѣ пропитаніе грабительскими набѣгами на плохо защищенные мѣстечки; однажды аѳиняне напали на туземный сицилійскій городокъ Гиккару, захватили все населеніе въ плѣнъ и выручили изъ продажи его въ рабство 120 талантовъ. Все это дѣлало пребываніе аѳинянъ на островѣ крайне непопулярнымъ. Съ другой стороны, они потеряли много драгоценнаго времени и дали возможность врагу организовать защиту. По предложенію Гермократа, сиракузяне, въ ожиданіи осады города, расширили линію его укрѣпленій, вмѣсто дробной системы 15-ти стратеговъ назначили 3-хъ командировъ и принялись обучать свое многочисленное, но не дисциплинированное ополченіе. Далѣе было отправлено посольство въ Пелопоннесъ съ просьбой о помощи; наибольшій успѣхъ оно имѣло у коринѳянъ, съ 433 г. заклятыхъ враговъ Аѳинъ. Спарта сначала колебалась выйти изъ нейтралитета; рѣшительное воздѣйствіе на ея политику оказалъ Алкивиадъ, который представилъ всю опасность побѣды аѳинянъ надъ Сиракузами: Аѳины завладѣютъ богатыми средствами Сициліи, навербуютъ на западѣ солдатъ и сдавятъ своей арміей и флотомъ Пелопоннесъ; тогда наступитъ конецъ Спарты. Онъ предложилъ послать въ Сиракузы опытнаго военнаго организатора, а вмѣстѣ съ тѣмъ начать войну съ Аѳинами въ самой Греціи и съ этой цѣлью образовать въ гористой части Аттики постоянный укрѣпленный лагерь; въ качествѣ наиболее подходящаго мѣста Алкивиадъ указалъ Декелею.

Между тѣмъ въ началѣ лѣта 414 г. Никій и Ламахъ подступили

къ Сиракузамъ съ суши и начали обширныя работы по возведенію осадной стѣны, чтобы отрѣзать городъ отъ сношеній съ остальной Сициліей; аѳинскій флотъ безпрепятственно вѣхалъ въ гавань Сиракузъ и загородилъ сообщеніе съ моря. Всѣ попытки сиракузянъ выбить аѳинскую армію изъ ея позицій и разстроитъ вновь возведенныя укрѣпленія окончились неудачей. Въ Сиракузахъ началась паника; стали волноваться рабы, граждане отчаялись въ своихъ командирахъ и смѣстили Гермократа; находившіеся въ аѳинскомъ лагерѣ сиракузскіе эмигранты завели сношенія со своими сторонниками въ городѣ о сдачѣ; часть патриотовъ, въ виду безнадежности защиты, готова была также на капитуляцію.

Въ ту минуту, когда созвано было уже народное собраніе въ Сиракузахъ для того, чтобы обсудить условія сдачи города, пробилась въ гавань маленькая коринеская эскадра, и ея предводитель Гонгилъ сообщилъ, что въ Сицилію направляется спартанскій пиструкторъ Гилипъ. Выборъ командира оказался необычайно удачнымъ. Сынъ Клеандрида, въ свое время пострадавшаго за расположеніе къ Аѳинамъ, чистѣйшій типъ сухого, требовательнаго и терпѣливаго спартаца, Гилипъ пробрался въ Сицилію черезъ южную Италію, составилъ въ Гимерѣ небольшое войско и, пользуясь тѣмъ, что аѳиняне не успѣли докончить осадной стѣны, прошелъ въ Сиракузы. Здѣсь онъ взялъ на себя главное командованіе и немедленно принялся атаковать аѳинскія укрѣпленія. Гилипъ сумѣлъ подчинить своей твердой спартацкой манерѣ бурливое и безпорядочное сиракузское ополченіе. Въ короткое время онъ загналъ аѳинянъ за линію ихъ фортовъ и обратилъ изъ осаждающей стороны въ осажденную. Между тѣмъ въ гавань Сиракузъ проникли вспомогательные корабли; блокада съ моря была также прорвана, аѳиняне и здѣсь должны были перейти къ оборонѣ.

Аѳинскихъ силъ было теперь явно недостаточно для продолженія наступательныхъ дѣйствій. Никій, за смертію Ламаха оставшійся единственнымъ стратегомъ, написалъ въ этомъ смыслѣ докладъ аѳинской еkkлeсiи. По его мнѣнію, надо было или бросить экспедицію и отозвать всю аѳинскую армію, или послать на помощь свѣжія силы, флотъ и войско, а также хорошія денежныя средства; въ виду своей болѣзни онъ просилъ назначить другого верховнаго командира. Въ 414 году демократическая партія имѣла рѣшительный перевѣсъ въ Аѳинахъ. Было рѣшено безъ колебаній отправить въ Сицилію новую экспедицію и поставить во главѣ ея лучшаго стратега Аѳинъ, Демосфена, героя Акарианіи и Пилоса. Увѣренные въ своихъ успѣхахъ, аѳиняне опустошили берега Лаконіи и этимъ нарушили открыто миръ со Спартой. Открылась опять всеобщая война въ Греціи.

Вторая сицилійская экспедиція, и начало декелейской войны. Если для перваго сицилійскаго похода 415 г. есть извѣстные оправданія съ военной и политической точки зрѣнія, то вторая экспедиція, отправленная весной 413 г., была рѣшительной и тяжелой ошибкой зарвавшейся аѳинской демократіи. Въ самомъ дѣлѣ, аѳиняне бросали одновременно вызовъ Пелопоннесу и клали на вѣсы военнаго счастья въ Сициліи всѣ свои силы, не оставляя дома почти никакихъ резервовъ. Этого нельзя было дѣлать и въ болѣе спокойные моменты, менѣе всего теперь, когда, по указаніямъ Алкивіада, спартацы готовились напасть на Аттику и примѣнить новую систему ея блокады съ суши. Притомъ аѳиняне уже не имѣли былого перевѣса техники надъ своими противниками. Это показало какъ нельзя болѣе ярко слѣдующій случай, позволяющій наглядное сравненіе съ прежними временами. Вновь назначенный стратегъ Кононъ былъ отправленъ въ Навпакту, чтобы загородить пелопоннесцамъ выходъ изъ Коринесскаго залива и не допустить посылки подкрѣпленій Сиракузамъ изъ Коринѳа. Это было буквально то же самое порученіе, которое получилъ за 11 лѣтъ до того лучший адмиралъ Аѳинъ, Форміонъ, и у Конона было ровно столько же кораблей—20 тріеръ. Но въ свое время Форміонъ не побоялся напасть на эскадру въ 77 пелопоннесскихъ кораблей и даже разбилъ ее; теперь Кононъ не рѣшался атаковать 25 коринѳскихъ тріеръ и не могъ исполнить своей миссіи. Ореоль необходимости аѳинянь на морѣ быстро исчезалъ. По своей драматической манерѣ Фукидидъ влагааетъ въ уста Гермократу разоблаченіе безсилія аѳинянь. Сиракузскій вождь старается ободрить своихъ согражданъ къ энергичнымъ дѣйствіямъ на морѣ, чтобы выбить аѳинскій флотъ, стоящій въ гавани. «Развѣ аѳиняне какіе-нибудь исключительные, наслѣдственно отъ природы одаренные моряки?—говоритъ онъ.—Нисколько; они поневолѣ, благодаря персидскому нашествію, обратились къ морю, а, слѣд., и вы, сиракузяне, поавши въ такую же нужду и сдѣлавши усиліе, добьетесь одинаковыхъ успѣховъ»²⁷.

Почти одновременно, весной 413 года, выступаютъ спартацы подъ начальствомъ Агиса на занятіе Декелей, и выѣзжаетъ въ море вторая сицилійская экспедиція подъ начальствомъ Демосфена. Занятіе Декелей рѣзко измѣнило положеніе Аѳинъ сравнительно съ прежними ежегодными лѣтними нашествіями пелопоннесцевъ. Спартацы потребовали отъ своихъ союзниковъ поставки желѣза, захватили въ походъ рабочихъ и быстро возвели въ Декелей укрѣпленный лагерь. Теперь Аѳины превратились въ осажденную крѣпость; изъ страха нападенія врасплохъ граждане должны были день и ночь сторожить на стѣнахъ. Въ Атикѣ прекратилась хозяйственная жизнь. Гарнизонъ Декелей жилъ опусто-

шительными набѣгами; враги загубили весь скоть, вырубилъ большую часть оливковыхъ деревьевъ, обширныя пространства превратились въ дикія пустоши. Приостановилась разработка серебряныхъ рудниковъ въ Лавріи. Закрылась значительная часть промышленныхъ заведеній; болѣе 20.000 рабовъ, преимущественно занятыхъ въ мастерскихъ (*χειροτέχναι*), перебѣжали къ врагу. Особенно невыгодно для Аѳинъ было то, что декелейскій лагерь загораживалъ сообщеніе съ Эвбеей, доставлявшей жизненные припасы. Приходилось теперь везти продукты не краткимъ путемъ черезъ узкій проливъ, а длиннымъ объѣздомъ по морю, вокругъ Сунійскаго мыса. Къ тому же, отрѣзанные отъ Эвбеи, аѳиняне потеряли власть надъ этой обширной зависимой землей; каждую минуту грозило вспыхнуть на островѣ возмущеніе. Несмотря на тяжелыя условія момента, аѳиняне продолжали сицилійскую войну. По этому поводу Фукидидъ еще разъ говорить объ изумительной энергіи аѳинскаго народа²⁸. Всѣ ожидали полнаго крушенія Аѳинъ еще отъ первыхъ нашествій пелопоннесцевъ послѣ 431 г., никто не допускалъ, что Аѳины просуществуютъ болѣе 3 лѣтъ; а вотъ теперь тянулся уже семнадцатый годъ войны, пелопоннесцы стояли въ самой серединѣ страны, и все же Аѳины, хотя ослабленныя предшествующими потерями, предпринимали новую кампанію, не уступавшую по размѣрамъ прежней, пелопоннесской. Наибольшая трудность, по мнѣнію Фукидида, заключалась въ страшномъ разстройствѣ аѳинскихъ финансовъ. Расходы, вызываемые войной, не только не оставались на прежнемъ уровнѣ, но все росли, а доходы жестоко сокращались. Финансовый кризисъ заставилъ аѳинянь предпринять крупную реформу: они замѣнили обычный *φόρος*, прямой налогъ, взимавшійся съ подданныхъ, двадцати-процентнымъ сборомъ со всѣхъ провозимыхъ по морю товаровъ. Фукидидъ говорить, что этимъ способомъ надѣялись получить больше денегъ. Возможно однако, что финансовая реформа 413 г. была вызвана еще и политическимъ мотивомъ: косвенный налогъ, какъ менѣе замѣтный, не такъ раздражалъ подданныхъ морской державы, а ихъ вѣрность, въ виду затрудненій, переживаемыхъ аѳинянами, подвергалась большому риску.

Катастрофа аѳинянь въ Сициліи. Ко времени отправления эскадры Демосѳена положеніе аѳинянь подъ Сиракузами очень ухудшилось. Гиллиппъ рѣшилъ напасть на аѳинскій флотъ и выбилъ его изъ стоянки у входа въ гавань: Сиракузы открыли себѣ свободный выѣздъ къ морю, аѳинянь же, напротивъ, задвинули въ тѣсный рейдъ, угрожая запретить имъ выходъ. Появленіе новой эскадры въ 73 триеры съ войскомъ и ржи нажемъ въ 20.000 человекъ, казалось, измѣнило положеніе въ пользу аѳинянь. Демосѳенъ рѣшилъ тотчасъ же возобновить нападеніе на

городъ съ суши. Ночью аѳиняне предприняли атаку и потерпѣли жестокое пораженіе. Тогда Демосѳенъ потребовалъ немедленнаго отъѣзда со всѣми силами домой, чтобы спасти, по крайней мѣрѣ, жизнь массы гражданъ. Никій выставилъ противъ возвращенія чисто-политическіе доводы, ярко отражающіе аѳинскіе порядки и зависимость стратеговъ отъ еkkлeсiи, т. е. своего собственнаго воинства. Онъ говорилъ, что уѣхать и бросить предпріятіе, не дождавшись формальнаго приказа аѳинскаго народа, значить подпасть жестокому обвиненію; народъ не станетъ слушать разумные доводы, а поддастся на клевету демагоговъ. Нечего довѣрять и тѣмъ воинамъ, что теперь громко кричать о необходимости отъѣзда; возвратившись домой, они яростно поднимутся на стратеговъ и осудятъ ихъ, какъ подкупленныхъ измѣнниковъ.

Почти мѣсяць провели аѳиняне въ бездѣятельности, а Гиллпшъ тѣмъ временемъ стянулъ подкрѣпленія къ Сиракузамъ. Когда они сдѣлали попытку прорваться на корабляхъ къ выходу въ море, произошла жестокая битва. Сиракузяне примѣнили боевое изобрѣтеніе Коринѳа, косые корабельные тараны, которыми они разбивали борты тріеръ; спертые на узкомъ пространствѣ, аѳиняне не могли маневрировать; ихъ лучшій флотъ, ихъ искусная техника сокрушились подъ напоромъ грубыхъ пріемовъ сшибанія кораблей. Въ этомъ послѣднемъ бою ряды сражающихся совершенно разбились, отдѣльныя суда сдѣлались другъ съ другомъ и экипажъ вступалъ въ рукопашную; за трескомъ ломающихся кораблей, неистовыми возгласами бойцовъ никто не слышалъ словъ команды, сами командиры не видѣли ничего дальше схватки, окружавшей ихъ. По словамъ Фукидида, аѳиняне никогда не переживали болѣе драматичнаго момента. «Казалось, то они—совсѣмъ близко къ спасенію и выходу въ море, то—на волосокъ отъ гибели; пока битва оставалась нерѣшительной, въ войскѣ аѳинскомъ слышались заразъ стоны отчаянія, призывные крики, возгласы побѣждающихъ и побѣжденныхъ, все, что бушуетъ въ великой арміи, находящейся въ жестокой опасности»²⁹.

Сиракузяне уничтожили часть аѳинской эскадры, отогнали остальные корабли къ берегу и обратили въ бѣгство занимавшій ихъ экипажъ. Аѳинянами овладѣла паника; Демосѳенъ настаивалъ на новой попыткѣ прорыва, но моряки, покинувшіе корабли, не хотѣли болѣе повиноваться. Остался только одинъ выходъ—отступить сухимъ путемъ въ глубину острова. Аѳиняны и союзниковъ было около 40.000, очень большая армія для тогдашней Греціи. Отступленіе въ послѣдній моментъ еще задержалось вслѣдствіе луннаго затменія, въ которомъ Никій усмотрѣлъ дурное предзнаменованіе. Когда аѳинское войско, деморализованное и уставшее, покинувъ массу больныхъ и раненыхъ, двинулось, наконецъ, въ путь, сиракузяне приготовились къ преслѣдованію. Имъ

удалось через нѣсколько дней разъединить Демосфена и Никія и принудить одного за другимъ къ сдачѣ на милость побѣдителя. Въ Сиракузахъ народное собраніе, похожее по характеру и настроеніямъ на аѳинскую экклесію, рѣшило, среди шума и возбужденія, казнить вождей. Плѣнные аѳинскіе воины были сначала брошены въ латоміи, т.-е. каменоломни, гдѣ ихъ держали нѣсколько недѣль какъ бы въ колоссальной тюрьмѣ, потомъ проданы въ рабство; вся Сицилія наполнилась невольниками изъ гражданъ Аѳинъ и подвластныхъ державъ общины.

Аѳины потеряли въ Сициліи 216 лучшихъ тріеръ и около 10.000 гражданъ, что составляло большой процентъ всего полноправнаго населенія общины, т.-е. значительную часть какъ сухопутныхъ военныхъ сословій, всадниковъ и гошпитовъ, такъ и морского класса оетовъ. Катастрофа осени 413 года составляетъ поворотный пунктъ всей войны. Она рѣшила участь аѳинской державы; дальнѣйшая девятилѣтняя борьба до полной капитуляціи Аѳинъ въ 404 году была уже безнадежной обороной, долгой агоніей. Тѣмъ болѣе изумительной представляется цѣпкая энергія бойцовъ: городъ держался до тѣхъ поръ, пока не погибла почти вся раса неутомимыхъ и безпощадныхъ моряковъ, созданная персидской войной и имперіей, выросшей изъ освободительной войны.

Начало олигархическаго движенія въ Аѳинахъ. Когда въ Аѳины пришло извѣстіе о гибели великой экспедиціи, народъ долго не хотѣлъ вѣрить, и даже его не могли убѣдить бѣглецы, успѣвшіе спастись отъ катастрофы въ Сициліи. Наконецъ, когда пельзя было болѣе сомнѣваться, аѳиняне обрушились на тѣхъ ораторовъ, которые настаивали на отправкѣ морской экспедиціи, и на предсказателей, убѣждавшихъ народъ въ томъ, что Аѳины завоюютъ всю Сицилію. Всѣхъ охватило горе и страхъ: каждая семья оплакивала свою потерю, а государство въ цѣломъ утратило основную военную силу, особенно же цвѣтущее молодое поколѣніе, которому уже не было замѣны. Въ верфяхъ осталось очень немного кораблей, даже для обороны; вслѣдствіе гибели большей части оетовъ не имѣлось кормчихъ, лоцмановъ и рулевыхъ и вообще опытныхъ на службѣ моряковъ; казна была совершенно истощена. При этихъ условіяхъ аѳиняне стали отчаиваться въ своемъ спасеніи; они были увѣрены, что сицилійцы, одержавшіе столь рѣшительную побѣду, немедленно нападуть на Пирей, что враги подступятъ съ удвоенными силами на сушѣ и на водѣ, что къ нимъ присоединятся подданные державы, которымъ нечего больше бояться аѳинскихъ экзекуцій.

Фукидидъ не любитъ демократіи, но отдаетъ должную дань ея энергіи въ 413 году. Аѳинскій демосъ рѣшилъ напрячь все силы, снарядить новый флотъ во что бы то ни стало, собравши все наличныя

суммы и строительный материал, затѣмъ принять мѣры къ обезпеченію постороннихъ владѣній, и особенно Эвбеи. «Народъ разумно ограничилъ многіе расходы и выбралъ правительственную комиссію изъ стариковъ, которымъ было поручено предварительное обсужденіе всѣхъ дѣлъ, вызываемыхъ даннымъ положеніемъ. Словомъ, подѣ страхомъ висящей бѣды народъ былъ готовъ, какъ всегда въ такихъ случаяхъ, подчиниться дисциплинѣ во всемъ непосредственно необходимомъ»³⁰. Такой благопріятной оцѣнкой сопровождается Фукидидъ рѣшеніе аѣинскаго демоса образовать новый правительственный органъ 10 пробуловъ. При политическихъ воззрѣніяхъ историка это сужденіе понятно: онъ былъ врагомъ нервныхъ и бурливыхъ дебатовъ въ эkkлeсiи, не любилъ ея переменчивыхъ настроеній и, сколько можно судить по нѣкоторымъ намекамъ, желалъ реформы въ смыслѣ образованія тѣснаго совѣта свѣдущихъ людей для предварительнаго обсуждения дѣлъ.

Нельзя не признать введеніе пробуловъ важной конституціонной переменной въ Аѣинахъ. Собираясь для предварительнаго обсуждения важнѣйшихъ дѣлъ въ вопросахъ войны и финансовъ, пробуды замѣнили совѣтъ 500, и эта замѣна была очень существенна. Совѣтъ 500 составлялъ многочисленную палату со смѣной очередныхъ отдѣленій; ему было трудно выступать въ качествѣ самостоятельной силы рядомъ съ народнымъ собраніемъ. Совѣтъ другое дѣло—комиссія пробуловъ, которая, при ограниченности своего состава и при извѣстномъ подборѣ членовъ, могла легко замкнуться въ тайный совѣтъ. Учрежденіе пробуловъ было несомнѣннымъ успѣхомъ сторонниковъ реакціоннаго переворота; между прочимъ въ комиссіи сидѣлъ Гагнонъ, отецъ Терамена, извѣстный своей симпатіей къ олигархіи. Реакціонеры вырвали у народа эту уступку въ критическій моментъ, когда демократія, лишившаяся подѣ Сиракузами половины своихъ самыхъ энергичныхъ силъ, находилась въ извѣстнаго рода онѣмѣніи. Иначе нельзя понять, какъ аѣинскій демосъ допустилъ учрежденіе, вносившее столь чуждый демократической практикѣ элементъ. Впрочемъ, олигархи дѣйствовали крайне осторожно: они старательно сохранили декорумъ демократіи и въ способѣ избранія пробуловъ, и въ опредѣленіи ценза для избираемыхъ: «старшіе граждане» (*πρεσβύτεροι*) звучало весьма прилично, безъ нарушенія принципа равенства, который могъ быть затронутъ, напр., выдѣленіемъ богатыхъ; напротивъ, если принять во вниманіе, что въ олигархическихъ клубахъ преобладала нетерпѣливая молодежь (*νεώτεροι*), то, казалось, старые пробуды служатъ хорошей гарантіей противъ вторженія честолюбцевъ изъ молодыхъ новичковъ.

Помимо этого успѣха, сторонникамъ олигархіи удалось весной 412

года провести на мѣста стратеговъ, рядомъ съ демократами, своихъ кандидатовъ, между ними Фриниха, искуснаго интригана, бывшаго въ молодости пастухомъ и выдвинувшагося въ качествѣ сикофанта на службѣ демократіи. Цѣлый рядъ такихъ подозрительныхъ демагоговъ, среди нихъ Писандръ, обвинитель олигарховъ въ процессѣ гермокопидовъ, вступили теперь въ антидемократическіе клубы, сохраняя по видимости прежнюю политическую повадку.

Настроенія въ Аѣинахъ. Шумныя и рѣзкія политическія событія способны иногда создавать иллюзію, будто бы все общество подѣлено на партіи, тогда какъ въ дѣйствительности количество людей нейтральныхъ можетъ быть очень велико. Какъ разъ ко времени, предшествующему катастрофѣ демократіи, у насъ есть любопытное свидѣтельство для характеристики настроенія массы безпартійныхъ въ Аѣинахъ. Это — курьезная по формѣ, но, можетъ быть, самая глубокая по содержанию комедія Аристофана, «Лисистрата».

Аристофанъ вообще перемѣнился, начиная съ комедіи «Птицы». Оставаясь, какъ раньше, буффономъ, карикатуристомъ, онъ становится серьезнѣе по существу; въ немъ слышатся настоящія патріотическія и гуманныя чувства, боль за истекающее кровью отечество, жалость къ гражданамъ, утратившимъ человѣческое существованіе. И еще мы съ удивленіемъ замѣчаемъ, что Аристофанъ дѣлается защитникомъ *правъ женщинъ*. Между прочимъ любопытно отмѣтить, что изъ одиннадцати дошедшихъ до насъ его комедій три посвящены женскому вопросу: «Лисистрата», «Участницы Тесмофорій» и «Женщины въ экклесіи». Последняя изъ этихъ пьесъ относится къ 392 году, и о ней мы будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ. Что касается первыхъ двухъ, то онѣ принадлежать именно 411 году.

Въ «Участницахъ Тесмофорій» Аристофанъ беретъ на себя комическую защиту женщинъ противъ Эврипида, слышшаго за женоненавистника, но по настоящему мы присутствуемъ при забавномъ состязаніи двухъ своеобразныхъ апологетовъ существа женщины и ея человѣческихъ правъ. Эврипидъ въ цѣломъ рядѣ своихъ драмъ, въ «Медѣ», въ «Федрѣ» и др., изображаетъ трагическое развитіе страстей, данныхъ женщиной природой; его интересуетъ страданіе женщины, онъ защищаетъ ея право на счастье и бросаетъ упрекъ міру мужчинъ, которые готовы видѣть въ женщинахъ низшія существа. Аристофану не нравится вообще раздирательность и сантиментализмъ Эврипида, въ частности ему не по сердцу всѣ эти сцены женской ревности, мести, неутолимой любви; но Аристофанъ осуждаетъ Эврипида не потому, что хотѣлъ бы вернуть женщину къ старому прозаическому и подчиненному положенію въ кухнѣ и дѣтской, а потому что онъ цѣнитъ въ ней тонкій и благо-

родный умъ, глубокой здравый смыслъ, чутье правды, — качества, которыя по большей части потеряли мужчины, ушедшіе съ головой въ дикую борьбу за существованіе. Въ глазахъ Аристофана, Эврипидъ наклеветалъ на женщину, изобразивъ ее жертвой страстей, а между тѣмъ въ женской натурѣ заложено нѣчто гораздо лучшее, она и есть настоящій жизнесохраняющій элементъ общества.

Въ «Лисистратѣ» Аристофанъ съ неожиданной смѣлостью и силой изображаетъ протестъ женщинъ, поднявшихся противъ истребительной войны. Сходятся афинянки, спартанки, беотійки; организуетъ движеніе афинская гражданка Лисистрата, умница, неутомимо-твердая, чудесный, спокойный характеръ; въ ея изображеніи Аристофанъ не позволилъ себѣ ни малѣйшей ироніи. Дѣйствіе въ комедіи основано на обычномъ буффѣ: женщины рѣшаютъ донять мужчинъ отказомъ въ исполненіи супружескихъ обязанностей; получается рядъ забавныхъ положеній, но дѣло не въ этомъ. Аристофанъ хотеть сказать, что только у женщинъ остался еще разумный взглядъ на вещи. Онъ помѣстилъ въ пьесу почти невѣроятный въ смыслѣ политическаго дерзанія диалогъ, гдѣ предводительница женщинъ пристыжаетъ своей простой и возвышенной рѣчью пробула, въ данный моментъ полномочнаго правителя Аѳинъ.

Женщины заняли акрополь и завладѣли казной. Пробулъ, туповатый, самоувѣренный политикъ, недоумѣваетъ, зачѣмъ онѣ это сдѣлали? *Пробулъ*: Что вы понимаете въ управленіи деньгами? *Лисистрата*: А кто же управляетъ домашней казной? *Пробулъ*: Да вѣдь это совѣмъ другія деньги, онѣ для войны. *Лисистрата*: А вотъ мы войну-то и прекратимъ... *Пробулъ*: Развѣ вы способны распутать всѣ сложныя затрудненія Греціи, примирить всѣ противорѣчивыя желанія? *Лисистрата*: Насъ научило искусство распутывать шерстяные клубки. *Пробулъ*: И вы надѣетесь тяжелое дѣло государственности разрѣшить своимъ шерстянымъ и клубочнымъ мастерствомъ? *Лисистрата*: Да, вотъ слушай. Сначала надо сырую сръзанную шерсть вымыть, согнать весь соръ и грязь съ народа, выколотить изъ него проклятую нечисть, которая въ немъ загнилась, всѣ шипы и колючки. Потомъ надо разбить то, что комьями прилипло къ государственнымъ должностямъ, растянуть по волоскамъ и обрѣзать имъ концы. Чесать шерсть надо гребнемъ свободнымъ и мягкимъ и вплетать въ нитку всѣхъ, и метойковъ, и союзниковъ, и чужестранцевъ, кто вамъ преданъ, и всѣхъ задолжавшихъ государству, и всѣ города, что на востокъ и на западъ основаны землей нашей, что лежатъ раскиданными, какъ клочья шерсти, оторвавшіеся отъ насъ. Все соберите старательно, принесите и сплетите вмѣстѣ; будетъ большой клубокъ, изъ него сотките народу плащъ,

Пробулъ: Не глядѣли бы глаза мои, какъ вы тутъ стираете и чешете, а вѣдь война васъ совсѣмъ не касается! *Лисистрата*: Какъ, жалкій пегодай, мы вдвойнѣ отъ нея страдаемъ; мы, родившіе сыновей нашихъ въ мукахъ, отдаемъ ихъ на жертву войны! ³¹.

Подъ конецъ пьесы Лисистрата зоветъ спартанцевъ и аеинянъ на общее примиреніе. Она учитъ богиню мира, какъ взять раздражительныхъ драчуновъ мягко за руку, и когда они становятся передъ ея трибуной, Лисистрата говоритъ имъ спокойно и твердо: «Слушайте рѣчь мою. Я женщина, но разумъ у меня есть, я получила его отъ матери моей, а въ молодыхъ годахъ слышала много мудраго отъ отца и дѣльныхъ людей. Хочу я васъ строго пробрать, какъ вы того стоите: всѣ вы одной крови, всѣ одинаково молитесь въ Олимпіи, Дельфахъ, Оермопилахъ и множествѣ другихъ мѣсть, и вы несете войну и гибель сыновьямъ Эллады, городамъ эллинскимъ, а вѣдь сколько на свѣтѣ варваровъ». Лисистрата напоминаетъ, какъ «благородный» Кимонъ водилъ большое ополченіе на помощь погибавшей Спартѣ, и какъ спартанцы пришли выгнать изъ Аеинъ тиранновъ, освободить аеинянъ, ходившихъ въ овчинахъ, отъ рабской службы и вернуть имъ снова гражданскій обликъ. Обѣ стороны должны вспомнить это и объединиться въ общемъ согласіи и дружбѣ ³².

Комедія кончается безъ обычныхъ гаерскихъ выходокъ, какъ бы торжественнымъ гимномъ. Благородный призывъ вложенъ въ уста женщины, и пьеса звучитъ прославленіемъ не только мира, но и величія женщины, спасающей общество.

Соціальное положеніе въ Аеинахъ. Въ призывахъ Аристофана есть и соціальный отгѣнокъ. Какъ раньше, во время десятилѣтней войны, такъ и теперь онъ говоритъ отъ имени большинства зажиточнаго класса. Съ укрѣпленіемъ спартанцевъ въ Декелеѣ у этой части гражданства появилось новое и важное основаніе желать скорѣйшаго мира, именно огромная потеря въ составѣ рабовъ.

Относительно положенія аеинскихъ рабовъ мы имѣемъ необычайно любопытную страницу въ олигархической брошюрѣ 425 года. Помечтавъ о томъ, какъ хорошо было бы при «благоустроенномъ порядкѣ» обратить демось въ рабство, авторъ обращается въ раздраженномъ тонѣ къ аеинской дѣйствительности. «Что касается рабовъ и метойковъ, то въ этомъ отношеніи въ Аеинахъ царитъ величайшая распущенность. Тутъ нельзя раба ударить безнаказанно, да и рабъ ни за что не уступить дороги на улицѣ. Я объясню, почему выработались у насъ такіе обычаи. Если бы позволялось бить рабовъ или метойковъ и вольноотпущенныхъ, много ударовъ досталось бы аеинянамъ, потому что ихъ принимали бы за рабовъ: простой народъ похожъ на рабовъ и обыва-

телей и одеждой, и всё́мъ своимъ обликомъ. Если же кого-нибудь удивить, что рабы въ Аѳинахъ жирѣютъ и живутъ на широкую ногу, то, по-моему, и это допущено не спроста, и я готовъ объяснить, въ чемъ дѣло. Въ морской державѣ необходимо держать рабовъ на денежномъ оброкѣ: приходится предоставлять имъ свободу дѣйствій и ограничиваться лишь полученіемъ съ нихъ прибыли. А гдѣ рабы богатѣютъ, уже невыгодно, чтобы мой рабъ боялся тебя, какъ въ Лакедемонѣ, гдѣ такая боязнь рабовъ передъ чужими господами существуетъ; вѣдь страхъ рабовъ передъ господами можетъ повести лишь къ тому, что они станутъ для спасенія жизни откупаться деньгами (и разоряться). Вотъ почему мы завели свободу слова (*ισχυορίζω*) даже для рабовъ, въ совершенно равной мѣрѣ со свободными; и для метойковъ точно такъ же, какъ для гражданъ, потому что они крайне необходимы общинѣ и по своему индустриальному значенію, и по участию въ морскомъ дѣлѣ»³³.

Въ этой характеристикѣ рядомъ съ насмѣшкой и преувеличеніями есть удивительно тонкія и вѣрныя замѣчанія, напр., о неизбежности перевода рабовъ на денежный оброкъ въ быту подвижной морской державы, о вытекающей отсюда свободѣ въ положеніи рабовъ, о возможности ихъ обогащенія и нежелательности пугать ихъ строгостью и т. д. Человѣкъ порядочнаго общества, ненавидящій мѣщанство и мужицкій характеръ Аѳинъ, брезгливый къ черному люду, отъ котораго нѣтъ прохода, возмущается больше всего тѣмъ, что нельзя сорвать свой гнѣвъ даже на толкающемся на улицѣ рабочемъ; здѣсь онъ не преувеличиваетъ, такъ какъ въ Аѳинахъ вѣкъ дома рабъ находился подъ охраной закона и могъ жаловаться въ судъ на личное оскорбленіе. «Свободу слова» надо, конечно, понимать въ смыслѣ обычной ироніи автора, которому смѣшны демократическія права и учрежденія вообще. Но что рабы держали себя безъ стѣсненія въ Аѳинахъ, видно также изъ множества сценъ въ комедіяхъ Аристофана.

Аѳинскіе рабы, довольно многочисленные, представляли по отношенію къ оетамъ, свободнымъ бѣднымъ гражданамъ, какъ бы разрядъ низшихъ рабочихъ; они были заняты въ рудникахъ, въ сельскомъ хозяйствѣ, служили гребцами во флотѣ, составляли главную массу ремесленниковъ въ большихъ мастерскихъ, гдѣ часто работали независимыми артелями на скупщиковъ; лишь нѣкоторыя отрасли труда оставались привилегіей свободныхъ, особенно строительное дѣло. Въ одномъ отношеніи, впрочемъ, рабы имѣли своего рода перевѣсъ надъ свободными пролетаріями, поскольку власти нанимали ихъ на государственную службу въ качествѣ писцовъ, полицейскихъ и т. п. Сравнительно выгодныя условія, въ которыхъ находились аѳинскіе рабы, устраняли

для гражданъ опасность рабскаго возстанія во время войны, тѣмъ болѣе, что рабы все были привозные, иноплеменные, въ значительной части негреческаго происхожденія и, слѣд., почти исключалась возможность ихъ соединенія въ общую организацію, какъ это, напротивъ, всегда могли сдѣлать крѣпостные Мессеніи и Спарты.

Но война дала себя знать въ другомъ направленіи. Когда масса сельскихъ жителей со всеми своими домочадцами сбилась подъ защитой аѳинскихъ укрѣпленій, рабы попали въ условія несравненно худшія, чѣмъ граждане. Если вообще санитарное положеніе осажденныхъ было плохо, то рабы, о которыхъ никто не заботился, по преимуществу страдали отъ тѣсноты и дурнаго питанія; процентъ ихъ смертности отъ чумы былъ навѣрно гораздо больше, чѣмъ въ средѣ гражданъ. Повидимому, при устройствѣ продовольственнаго дѣла рабовъ не принимали въ счетъ, имъ предоставлялось кормиться, какъ придется. Этимъ надо объяснить массовое бѣгство рабочихъ невольниковъ съ самаго начала Декелейской войны. Вскорѣ то же явленіе повторилось на о. Хиосѣ, когда эта богатая рабовладѣльческая община отложилаь отъ аѳинской державы; аѳиняне заняли на островѣ положеніе, подобное спартанскому лагерю въ Декелеѣ, и рабы начали перебѣгать къ нимъ; очевидно, дѣйствовалъ тотъ же мотивъ, что въ Атикѣ, они бѣжали отъ голодной смерти.

Вслѣдствіе бѣгства аѳинскихъ рабовъ прекратились работы въ Лаврійскихъ рудникахъ, закрылись многія мастерскія: все тѣ, кто жилъ оброками невольниковъ, оказались въ затруднительномъ положеніи. Отъ этой перемѣны вѣты, свободные пролетаріи ничего не теряли, напротивъ, выигрывали; во всякомъ случаѣ, руководящіе политики должны были хлопотать о доставленіи имъ занятій и заработка. Въ послѣдніе годы Пелопоннесской войны, несмотря на общее истощеніе, въ Аѳинахъ происходитъ усиленная стройка, особенно воздвигаютъ храмы: главной цѣлью этихъ предпріятій было доставить пропитаніе бѣдной части гражданства, поскольку она не находила занятія въ военной службѣ. Для богатыхъ людей новая задача была сопряжена съ усиленіемъ литургіи, или «добровольнаго» пожертвованія, такъ какъ въ государственной казнѣ денегъ больше не имѣлось. Понятно ихъ желаніе взять въ свои руки управленіе и отстранить заинтересованную въ продолженіи войны массу простого народа.

Выступленіе Спарты въ Эгейскомъ морѣ и договоры ея съ персами. Если Аристофанъ могъ такъ горячо говорить о мирѣ, то, очевидно, въ Аѳинахъ имѣлось множество людей, сочувствовавшихъ этой идеѣ. Они могли составить хотя пассивную, но очень сильную опору олигархамъ, которые обѣщали добиться соглашенія съ врагами. Но прямыхъ

результатовъ теченіе въ пользу мира не дало, и это потому, что совершенно переменялись роли во внѣшней политикѣ. Наступательной стороной становится Спарта, Аѣины задвинуты въ положеніе обороны. Дѣло идетъ о самомъ существованіи державы, на которую заявляетъ притязаніе Спарта. Аѣины уже не могутъ отдѣлаться небольшими уступками; у нихъ нѣтъ теперь свободы выбора, какъ передъ сицилійской экспедиціей; осталось только воевать, чтобы сохранить господство на морѣ и не пасть на степень безсильнаго кантона.

Въ самой Спартѣ, къ которой перешла инициатива войны, намѣтились крупныя перемены. Центральный военный штабъ, который представляла Спарта, выходитъ изъ своего оцѣпенѣнія и косности. Рѣшаютъ давать командирамъ на мѣстахъ болѣе широкія полномочія, не связывать ихъ дѣйствія необходимостью вѣчно справляться съ правительствомъ въ Лаконіи. Въ этомъ смыслѣ царь Агисъ, оперировавшій въ Атикѣ, получилъ чрезвычайную власть; пользуясь своимъ новымъ положеніемъ, онъ выстроилъ въ водахъ Эссалии флотъ для того, чтобы овладѣть Эвбеей. Самой любопытной чертой спартанской военной организаціи становится рѣшительное обращеніе къ морю. Въ спартанской стратегіи наиболѣе важнымъ постомъ дѣлается должность наварха, т. е. адмирала, такъ какъ въ Спартѣ поставлена цѣль—вырвать у Аѣинъ гегемонію на морѣ и вступитъ въ обладаніе островами и малоазійскими общинами. Рѣшено вмѣстѣ съ тѣмъ выстроить соединенными средствами Пелопоннеса крупный флотъ, который могъ бы помѣряться съ аѣинской морскою силой. Навархію никогда не поручаютъ царямъ; для назначенія командировъ на морѣ усваиваютъ принципъ, выработанный въ демократіи, именно ежегодную смѣну и даже съ ригористическимъ прибавленіемъ, воспрепятствующимъ вторичное избраніе на эту должность. Навстрѣчу широкой программѣ въ спартанской политикѣ шли недовольные союзники и подданные аѣинской державы. Делегаты Лесбоса и Эвбеи явились къ Агису, представители Хиоса и Эриоръ обратились непосредственно въ Спарту. Можно было ожидать еще дальнѣйшихъ отпаденій: Милета, Эфеса, Родоса. Впрочемъ, въ средѣ островныхъ и малоазійскихъ общинъ только правящіе олигархическіе круги искали сближенія со Спартой, демось стоялъ за Аѣины. Поэтому олигархическое правительство Хиоса скрыло свои переговоры отъ народа.

Война, предпринятая Спартой противъ Аѣинъ, была по идеѣ своей и по официальной формулировкѣ «освободительной». Союзники и подданные аѣинской державы искали поддержки Спарты для того, чтобы избавиться отъ тяжелыхъ налоговъ и реквизицій, собираемыхъ Аѣинами, и рассчитывали стать автономными. Каковы бы ни были замыслы

отдѣльныхъ политиковъ Спарты, но обложеніе освобождаемыхъ въ пользу спартанскаго оружія было бы совершенно невозможно. А между тѣмъ снаряженіе и поддержаніе большого флота, безъ котораго нельзя было сломить аѣнскую державу, требовало финансовой основы. Спарта не имѣла таковой. Этотъ существенный недостатокъ бросилъ Спарту въ руки персовъ. Благодаря связямъ Алкивіада, Спарта вошла въ союзъ съ персидской державой и стала получать персидскую субсидію. Персидское правительство очень хорошо уловило моментъ для вмѣшательства въ дѣла Греціи и для возвращенія своихъ прежнихъ позицій у Эгейскаго моря. Въ 412 году царь Дарій II прислалъ въ Малую Азію двухъ ловкихъ и энергичныхъ намѣстниковъ, Тиссаферна въ Лидію, т.-е. поблизости іонійскихъ городовъ, и Фарнабазу во Фригію, по соседству съ Геллеспонтомъ. Оба получили широкія полномочія для веденія переговоровъ и уплаты суммъ противникамъ аѣнской державы, которой такъ боялись персы со времени побѣдъ Кимона. Тиссафернъ и Фарнабазъ отправили агентовъ въ Спарту и предлагали на перерывъ свои услуги: они готовы были поддерживать пелопоннескій флотъ, одинъ въ Іоніи, другой въ проливахъ. Спарта рѣшилась въ пользу Тиссаферна, у котораго, казалось, больше силъ и средствъ. Алкивіадъ самъ отправился вмѣстѣ со спартанскою комиссіей въ Іонію для того, чтобъ склонить города ея къ отпаденію, и для личнаго свиданія съ Тиссаферномъ. Онъ выучился персидскому языку (если не зналъ его раньше); въ сношеніяхъ съ персами онъ обнаружилъ опять изумительную гибкость, какъ въ свое время въ Спартѣ; ему удалось пріобрѣсти сильное вліяніе на Тиссаферна.

Лѣтомъ 412 года состоялся договоръ между правительствомъ великаго царя и Спартой. Для персовъ договоръ былъ необычайно выгоденъ. Въ немъ признавалось прежде всего право царя на тѣ земли и города, которыми владѣли его предки; это значить, не только малоазійскіе города отдавались въ распоряженіе царя, но признавались также притязанія персовъ на острова, Эракію, Македонію и Фессалію. Затѣмъ царь, спартанцы и союзники ихъ обязывались общими силами противодѣйствовать тому, чтобъ аѣнцы собирали съ нихъ какіе-либо налоги или другія суммы. Они обязывались совмѣстно вести войну противъ аѣнцевъ и заключить миръ лишь съ согласнаго общаго рѣшенія. Кто отпадетъ отъ царя, считается врагомъ спартанцевъ и ихъ союзниковъ; въ свою очередь, кто отъ нихъ отпадетъ, считается врагомъ царя.

Для греческаго національнаго сознанія и условія, и само существо договора съ персами составляли фактъ огромной важности и, можно сказать, уничтожающаго значенія. Все, чѣмъ такъ гордились

независимые греки со времени великой освободительной войны, было вычеркнуто установителями соглашения. Спартакское правительство запуталось въ безвыходномъ противорѣчїи: оно брало деньги отъ персовъ для освобожденія греческихъ городовъ отъ аѳинскаго ига и платило за это уступкой персамъ тѣхъ же самыхъ греческихъ городовъ. Впрочемъ, въ Спартѣ имѣлась партія патріотовъ, которые находили возможнымъ обойтись безъ персидской субсидїи и считали позоромъ все соглашеніе. Въ виду ихъ протеста, приходилось посылать все новыя комиссіи изъ Спарты въ Малую Азію для переговоровъ съ персидскимъ намѣстникомъ; люди независимые, въ родѣ спартаца Дихаса, вступали въ рѣзкія пререканія съ Тиссаферномъ и давали чувствовать персамъ непрїятныя стороны греческаго республиканскаго темперамента. Въ теченіе одного года три раза измѣняли текстъ и условія договора, ограничивали параграфы относительно притязаній царя на греческія территорїи, и все же въ извѣстныхъ кругахъ Спарты продолжало оставаться недовольство ³⁴.

Іонійская война. Ближайшая цѣль Спарты была достигнута. Въ Пелопоннесѣ собрался флотъ, прибыла эскадра изъ Сиракузъ, и когда эти силы появились у береговъ Іонїи, Тиссафертъ взялъ на себя уплату вознагражденія морякамъ и сухопутной арміи, которую привезли въ Азію. Спарта перенесла центръ военныхъ дѣйствій въ самую богатую и доходную часть аѳинской державы. Навархъ Астіохъ выбралъ главной стоянкой для флота гавань Милета; отсюда онъ получилъ возможность поддерживать общины Хіоса, Родоса и др., готовыя отпасть отъ Аѳинъ. Когда въ Аѳины пришло извѣстіе объ измѣнѣ Хіоса, самой крупной іонійской общины, положеніе казалось столь критическимъ, что народъ рѣшилъ взять 1000 талантовъ запаснаго фонда, отложеннаго для послѣдней крайности; были отмѣнены наказанія, грозившія тому, кто предложитъ затронуть заповѣдную сумму ³⁵. На эти средства аѳиняне снарядили большой флотъ. Но когда аѳинская эскадра прибыла къ берегамъ Іонїи, почти ничего не оставалось спасать. Отложились всѣ города малоазійскаго побережья и всѣ острова, кромѣ Самоса и Лесбоса.

Въ 412 году во время переговоровъ Спарты съ персами, на Самосѣ произошло жестокое столкновеніе классовъ. Въ качествѣ олигархїи выступили геоморы, землевладѣльцы, демократію представляли горожане. Угрожаемые союзомъ геоморовъ, оставшихся на Самосѣ, и эмигрантовъ, удалившихся на малоазійскій берегъ, демократы поднялись, перебили до 200 геоморовъ, 400 изгнали и раздѣлили между собой ихъ земли. Самійскій переворотъ напоминаетъ буржуазныя революціи средневѣковой Флоренціи: у прежнихъ землевладѣльцевъ были

отняты политическія права, запрещались браки между геоморами и горожанами³⁶. Для того, чтобы порвать окончательно съ прошлымъ, демось разрушилъ старинную религіозную организацію и замѣнилъ братскіе и родственные союзы арифметическимъ дѣленіемъ гражданства. Благодаря революціи, Самось не только остался вѣренъ Аѳинамъ, но даже сдѣлался особенно надежной опорой аѳинянь за весь послѣдующій періодъ вплоть до катастрофы 405 года.

Аѳиняне утвердились въ гавани Самоса противъ центральной позиціи пелопоннесцевъ въ Милетѣ. Война пошла съ переменнымъ успѣхомъ. Аѳиняне заняли укрѣпленіе на берегу Хиоса и начали опустошительные набѣги на благоустроенные сады, виноградники и пашни острова, не видѣвшаго у себя врага съ незапамятныхъ временъ. Зато на югѣ у Книда, на Родосѣ, аѳиняне не могли помѣшать отпаденію союзниковъ и потерпѣли нѣсколько неудачъ. Большая морская держава, несомнѣнно, распадалась, но все же положеніе не было такъ убійственно для Аѳинъ, какъ ожидали враги. Несмотря на персидскую субсидію, на помощь сиракузянь, которые съ особенной энергіей ринулись противъ Аѳинъ, дѣло, затѣянное Спартой, плохо подвигалось впередъ. Морская война не давалась пелопоннесцамъ, навархъ Астіохъ былъ слишкомъ медлителенъ и трусливъ. Пользуясь этими условіями, аѳинская эскадра высадила войско близъ Милета, разбила пелопоннесцевъ, а потомъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ держала ихъ въ блокадѣ. У береговъ Малой Азіи получилось какое-то равновѣсіе; на немъ стали строить замыслы Алкивіадъ, который поссорился со Спартой и очень желалъ вернуться въ Аѳины. Алкивіадъ сблизился съ Тиссаферномъ и представилъ ему, что персамъ нѣтъ никакой выгоды отъ замѣны аѳинской гегемоніи спартанской, напротивъ, въ ихъ интересахъ ослабить обѣ воюющія стороны и этимъ способомъ вернуться къ обладанію Эгейскимъ моремъ. Тиссафернъ сталъ задерживать уплату жалованья пелопоннескимъ морякамъ и безконечно затягивать вызовъ общанной финикійской эскадры, появленіе которой могло бы, повидимому, нанести аѳинянамъ уничтожающій ударъ.

Подготовка олигархической революціи въ Аѳинахъ. Политика Алкивіада очень скоро выяснилась и для аѳинскихъ партій. Черезъ своихъ друзей онъ далъ понять, что можетъ добиться расположенія великаго царя и персидской субсидіи, если только аѳиняне откажутся отъ демократіи. За предложеніе Алкивіада прежде всего схватились тѣ члены клубовъ и сторонники олигархіи, которые занимали мѣста командировъ въ войскѣ и флотѣ, стоявшихъ подъ Самосомъ. Ихъ первымъ дѣйствіемъ было объединить всѣ частные союзы въ одинъ большой заговоръ (*ἔσχυρισμός*). По этому поводу мы узнаемъ нѣкоторыя черты

ихъ организаціи. Они собираются въ тѣсныя, какъ бы комитетскія, совѣщанія, а для важныхъ рѣшеній созываютъ пленарныя собранія всѣхъ посвященныхъ (τοῦ ἑταίρικοῦ τὸ πλῆθος)³⁷. Послѣ совѣщанія съ Алкивіадомъ олигархи уговорились представить массѣ воинства, что царь персидскій готовъ войти съ аѳинянами въ дружбу и платить имъ субсидію, если они вернутъ опять Алкивіада и откажутся отъ демократіи. Неприятно затронутая послѣднимъ условіемъ, масса, однако, не выказала недовольства въ виду перспективы царскаго жалованья: видимо, недостатокъ средствъ давалъ себя сильно чувствовать въ аѳинскомъ войскѣ, а полученіе денегъ отъ персовъ пелопоннесцами сильно деморализовало аѳинское войско. Съ другой стороны, для олигарховъ ожидаемая денежная помощь персовъ играла роль очень важную и представлялась прямо необходимой въ цѣляхъ ихъ внутренней политики. Дѣло въ томъ, что клубы, поскольку они представляли оппозицію богатымъ, хотѣли прежде всего устранить тягостную для имущихъ классовъ финансовую политику демократіи, состоявшую, какъ извѣстно, въ прогрессивномъ обложеніи; они хотѣли далѣе уничтожить систему публичныхъ раздачъ и вознагражденій за службу, чтобъ замѣнить ее распредѣленіемъ государственныхъ суммъ въ своей собственной замкнутой средѣ. Для той и для другой цѣли надо было найти посторонній финансовый источникъ и забрать его исключительно въ свои руки.

Олигархи находились въ сущности между двухъ огней: демократическое воинство поддавалось ихъ планамъ только изъ-за блестящаго имени Алкивіада, въ свою очередь Алкивіадъ явно не годился въ олигархическую компанію и смотрѣлъ на нихъ только какъ на временную мѣсть, ведущій его къ диктатурѣ. Эти соображенія откровенно высказалъ въ собраніи заговорщиковъ Фринихъ, самый дальновидный изъ всей группы дѣятелей переворота. Онъ точно поставилъ себѣ задачей разрушить всѣ идилліи, рисовавшіяся воображенію олигарховъ. Персы, по его мнѣнію, никогда не пойдутъ на разрывъ со Спартой и дружбу съ Аѳинами, слѣд., обѣщанія Алкивіада не имѣютъ почвы подъ ногами. Нечего также обольщаться относительно дружбы съ олигархіями союзныхъ и подвластныхъ городовъ. Уничтоживши въ Аѳинахъ демократію и поддерживая въ другихъ городахъ олигархію, все-таки не удастся возстановить державу и сохранить ее въ цѣлости: вѣдь тѣмъ городамъ безразлично, будутъ ли они рабами при олигархическомъ или демократическомъ строѣ; имъ важно при любомъ устройствѣ добиться независимости. Круговая порука олигархій, ихъ соединенное господство—мечта, которая должна разлетѣться при соприкосновеніи съ дѣйствительностью. Фринихъ остался, однако, въ одиночествѣ со своими возраженіями. Не удалась также его предательскіе планы выдать Алкивіада спартацямъ.

Заговорщики рѣшили отправить въ Аѣны комиссію съ Писандромъ во главѣ для того, чтобъ изложить въ экклесіи планъ, который уже готово было принять воинство, находившееся въ Самосѣ. Они повторили передъ народомъ въ Аѣнахъ ту же тактику, что въ Самосѣ: безъ Алкивіада и помимо отмѣны демократіи, нѣтъ спасенія, и невозможно добыть персидскую субсидію. На ропотъ и недовольство сторонниковъ демократіи они отвѣчали, что вѣдь политическая перемѣна будетъ лишь временной; никто не мѣшаетъ потомъ снова измѣнить все, что не понравится. Мы получаемъ такое впечатлѣніе отъ этихъ дебатовъ въ Аѣнахъ, какъ будто демагоговъ вовсе нѣтъ налицо, и заговорщики встрѣчаютъ возраженія не политическихъ ораторовъ, а случайныхъ обывателей. Фактъ отклоненія интеллигенціи отъ народа сказанъ съ полной силой; у демоса въ рѣшительную минуту нѣтъ вождей, нѣтъ профессиональныхъ защитниковъ.

Аѣнскій народъ рѣшилъ отправить обратно комиссію 10 лицъ съ Писандромъ во главѣ, давши ей полномочіе заключить условіе съ Тиссаферномъ и Алкивіадомъ. Передъ отъѣздомъ Писандръ посѣтилъ всѣ тайные союзы, существовавшіе въ городѣ, предложилъ имъ сплотиться вмѣстѣ и держать все наготовѣ для переворота. Переговоры съ Тиссаферномъ, при посредствѣ Алкивіада, потерпѣли полную неудачу. Тиссафернъ боялся аѣнянъ даже олигархической партіи; аѣнская держава попрежнему казалась персамъ опасной завоевательной силой. Чувствуя свое безсиліе, Алкивіадъ убѣдилъ его поставить аѣнянамъ неисполнимыя требованія—не только уступку царю Іоніи, но и позволеніе персамъ безпрепятственно водить свой флотъ вдоль малоазійскихъ береговъ, и послы въ крайнемъ раздраженіи покинули персидскую территорію.

Собственно этотъ разрывъ переговоровъ съ персами осуждалъ на полное крушеніе всю попытку олигархической революціи: шансы ея на успѣхъ только и заключались въ полученіи субсидіи и возвратѣ Алкивіада. Однако олигархи дошли до своей ближайшей цѣли, можно бы сказать, силою инерціи разъ начатаго движенія. Члены клубовъ, находившіеся въ арміи, рѣшили обойтись безъ Алкивіада; согласно своему прежнему плану они отмѣнили, гдѣ могли, въ приморскихъ и островныхъ общинахъ, демократію и отправили неумоимаго Писандра снова въ Аѣны. Здѣсь онъ нашелъ въ свою очередь почву подготовленной своими единомышленниками. Золотая молодежь, составлявшая дружину олигарховъ, перерѣзала наиболѣе видныхъ демократовъ, между прочимъ Андрокла, одного изъ виновниковъ изгнанія Алкивіада въ 415 году. Въ городѣ создавалась паника; никто не чувствовалъ себя безопаснымъ, обыватели боялись жаловаться другъ другу и выражать свои страхи,

чтобы не попасть въ какую-нибудь ловушку: чѣмъ дальше, тѣмъ больше оказывалось тайныхъ участниковъ клубовъ, и притомъ такихъ людей, о приверженности которыхъ къ олигархіи никому и въ голову бы не пришло. Олигархи и теперь еще не рѣшались говорить о полной отмѣнѣ демократической конституціи. Они выработали программу, популярную въ глазахъ зажиточныхъ круговъ, преимущественно ставившихъ гоппитовъ; отмѣна всякихъ выдачъ изъ казны, кромѣ жалованія находящимся на службѣ; предоставленіе активнаго участія въ политикѣ тѣмъ изъ гражданъ, которые служатъ болѣе всего государству какъ своими средствами, такъ и личной повинностью; такихъ гражданъ предполагалось въ общинѣ около 5.000 человекъ.

Олигархическій переворотъ. Возвратившись въ Аѣны, Писандръ и его спутники предложили избрать комиссію 10 съ неограниченными полномочіями для выработки новой конституціи (*ἑσυγραφέας ἀποκράτορας* ³⁸). Къ опредѣленному дню они должны были представить народу письменный проектъ наилучшаго конституціоннаго устройства (лѣтомъ 411 года). Въ назначенный день народное собраніе было созвано не въ весьма необычномъ мѣстѣ: не на холмѣ Пниксѣ среди Аѣнгъ, а въ Колонѣ, у храма Посейдона, въ 10 стадіяхъ разстоянія отъ города, слѣд., на виду у спартанцевъ, стоявшихъ лагеремъ въ Декелеѣ, и до извѣстной степени подъ давленіемъ вѣдшей опасности. Никакого проекта конституціи комиссія 10 не представила; она ограничилась только требованіемъ отмѣны *γραφή παρανόμων*. Новое положеніе было какъ разъ обратно порядку, установленному въ 462 году: теперь признали свободу за каждымъ гражданиномъ вносить любое конституціонное предложеніе и, больше того, установили наказаніе за всякую попытку нарушить это право.

Устранивъ такимъ образомъ главное препятствіе къ измѣненію конституціи, дѣятели переворота предложили установить новое правительство. Опять-таки они поступили очень радикально; по ихъ мнѣнію, надо было отмѣнить всѣ должности, согласныя съ дѣйствовавшимъ до сихъ поръ порядкомъ, прекратить всѣ существовавшія выдачи жалованія и составить новый совѣтъ 400, и притомъ слѣд. образомъ: немедленно избираются пять старѣйшинъ (*πρόεδροι*), которые назначаютъ 100 человекъ, а изъ этихъ 100 каждый кооптируетъ еще по три человека. Эти Четыреста займутъ Думу (*βουλευτήριον*) и получаютъ полномочія править по усмотрѣнію и созывать собраніе 5.000, когда найдутъ нужнымъ. Созванная въ Колонѣ еkklesia, составъ которой, по всей вѣроятности, постарались подобрать, не выразила никакого протеста и приняла всѣ вышеназванныя предложенія. Тутъ же составилъ совѣтъ 400, очевидно по списку, заранѣе заготовленному членами клубовъ, и Четыреста

прямо направились къ Думѣ. Все дѣлалось чрезвычайно быстро. Новое правительство не дало себѣ труда извѣстить прежній правительственный совѣтъ 500 о совершившейся перемѣнѣ. Олигархи воспользовались отсутствіемъ массы рядовыхъ гражданъ, разошедшихся на сторожевую службу и по укрѣпленіямъ городскихъ стѣнъ; вооруженные кинжалами, держа въ резервѣ свою свиту, молодыхъ людей, которыхъ Фукидидъ называетъ здѣсь «эллинскими юношами», они вошли въ залу засѣданія совѣта, предложили Пятистамъ покинуть свои мѣста и выплатили имъ жалованье за все оставшееся время года. Они не встрѣтили протеста; очень возможно, что среди 500 сидѣли уже члены новаго правительства, обозначенные въ олигархическомъ спискѣ, слѣд., старый совѣтъ былъ дезорганизованъ и не могъ собраться для какого бы то ни было сопротивленія.

Совѣтъ 400, по словамъ Фукидида, немедленно отклонился отъ порядка демократіи и сталъ править деспотически: цѣлый рядъ гражданъ, которые казались подозрительными, были казнены, брошены въ тюрьму, изгнаны; о созывѣ 5.000, о какомъ-либо контролѣ со стороны гражданъ, признанныхъ полноправными, не поднималось и рѣчи. Фукидидъ считаетъ главными дѣятелями революціи 411 года Антифонта, идейнаго отца всего движенія, Писандра, наиболѣе яраго разрушителя демократіи, а также Фриниха и Терамена. По его мнѣнію, это были умнѣйшіе и даровитѣйшіе люди тогдашнихъ Аѣинъ. «Нечего удивляться, что дѣло, задуманное рядомъ выдающихся личностей, несмотря на свои крупные размѣры, удалось: потому что трудно было лишить свободы аѣинскій демосъ въ сотый годъ послѣ низверженія тиранновъ (510—411), народъ, который не только самъ не былъ въ подчиненіи, но въ теченіе долгаго періода привыкъ господствовать надъ другими»³⁹. Удивительный для историка фактъ объясняется цѣлымъ рядомъ обстоятельствъ: главная опора радикальной демократіи, моряки и пролетаріи, находились далеко подъ Самосомъ, въ Аѣинахъ преобладало зажиточное гоппитство, которое мечтало объ умѣренной демократіи для себя и примирилось съ олигархами именно на обѣщаніи такой демократіи; въ Аѣинахъ у противниковъ переворота не было ни вождей, ни организаціи, ничего похожаго на средоточіе для обороны. Намъ скорѣе кажется удивительнымъ другое явленіе, не отмѣченное историкомъ. Захвативши правленіе въ Аѣинахъ врасплохъ, водворивъ въ Думѣ соединенный союзъ клубовъ, опираясь на сочувствіе гоппитовъ, олигархи не сумѣли продержаться болѣе трехъ мѣсяцевъ. Правительственная программа, политическія идеи этихъ «умнѣйшихъ людей» въ Аѣинахъ, несмотря на то, что они такъ долго работали въ тиши и на досугѣ, оказались очень скудными и жалкими. Они побоялись выйти на публичность и остались при своихъ

заговорщическихъ, таинственныхъ приѣмахъ. Аристотель, въ своей конституціонной исторіи Аѳинъ не сумѣвшій ничего сообщить о крупнѣйшей демократической реформѣ 462 г., почему-то подробно останавливается на неисполненныхъ планахъ 411 года⁴⁰. Въ нихъ дѣликомъ отражаются порядки и обычаи, выработавшіеся въ тайныхъ клубахъ. Высшій правительственный совѣтъ составляется по усмотрѣнію предварительнаго комитета; изъ среды совѣта и по его указанію замѣщаются всѣ главнѣйшія должности. Совѣтъ, по образцу беотійскаго устройства, раздѣляется на 4 очереди. Гражданство тоже раздѣляется на 4 части, вѣроятно для того, чтобы властямъ было удобнѣе слѣдить за его настроеніемъ.

Особенно неудачной оказалась внѣшняя политика олигарховъ, такъ рѣзко отличавшаяся отъ увѣренной, послѣдовательной и твердой системы демократіи. Согласно своему плану, Писандръ и компанія, еще въ бытность въ Іоніи, начали входить въ соглашеніе съ олигархіями союзныхъ городовъ: они подготовили все необходимое для олигархической революціи въ Самосѣ и на возвратномъ пути въ Аѳины уничтожили, гдѣ могли, демократію. Немедленно сказались и результаты, совершенно противоположные ихъ ожиданіямъ: община о. Эасоса, получивъ вмѣстѣ съ олигархическимъ строемъ автономію, вышла изъ союза съ Аѳинами и вступила въ соглашеніе со Спартой. Ничего не вышло также изъ попытки олигарховъ заключить миръ съ врагами Аѳинъ. Правительство 400 отрядило посольство къ Агису въ Декелею съ мирными предложеніями. Но спартанскій царь отнесся къ нимъ очень недовѣрчиво: отправилъ пословъ въ Спарту, а самъ остался въ выжиданіи, готовый каждую минуту напасть на Аѳины, которыя, казалось ему, отдастъ въ его руки уеобица, разрывающая гражданство.

Возстаніе демократическаго войска. Олигархи понимали, что самой трудной задачей будетъ соглашеніе съ демократическимъ воинствомъ, находившимся въ Самосѣ. Между прочимъ агентамъ, отправленнымъ изъ Аѳинъ въ Самосѣ, было поручено увѣрить армію, что олигархія введена не для ущерба города и гражданъ, а ради спасенія всего общественаго строя. Собственно никакой отмѣны демократіи не произошло; вѣдь верховный народъ будетъ представленъ Пятыю тысячами; а развѣ при постоянныхъ походахъ и отлучкѣ массы гражданъ за границей когда-нибудь сходитя больше пяти тысячъ въ экклесіи? ⁴¹ Однако подобные доводы нисколько не показали убѣдительными аѳинскому воинству въ Самосѣ. Армія и флотъ не хотѣли и слышать объ олигархіи. Въ средѣ солдатъ и моряковъ обнаружилась необыкновенная подвижность и очень стойкая организація. Олигархи своими ошибками ускорили катастрофу. Еще въ началѣ движенія, когда дѣло шло о при-

влеченіи Алкивіада, Писандръ обвинилъ въ Аѳинахъ Фриниха, его отрѣшили отъ должности и на его мѣсто назначили Леонта и Диомедонта, двухъ стратеговъ, преданныхъ демократіи. Но не эти высшіе офицеры опредѣлили дѣйствіе военной массы, а второстепенные начальники и люди изъ самой толпы, особенно Фрасибулъ, одинъ изъ триерарховъ (капитановъ), и Фрасиль, простой гоплитъ. Подъ ихъ руководствомъ аѳинскіе солдаты, соединившись съ самійской демократіей, разстроили олигархическій заговоръ 300, который былъ организованъ на островѣ при содѣйствіи аѳинскихъ клубовъ: нѣсколько человѣкъ были казнены, другихъ отправили въ изгнаніе.

Побратавшись съ самійской демократіей, аѳинское воинство въ упоеніи своей побѣды и все еще не подозрѣвая о событіяхъ въ Аѳинахъ, посылаетъ туда государственный вѣстовой корабль, знаменитую Πάραλος, съ рапортомъ о томъ, что произошло. Экипажъ Паралы, повидимому, составлялъ особую почетную морскую гвардію, которая славилась своей приверженностью къ демократіи. Аѳинскіе олигархи хотѣли поскорѣе отдѣлаться отъ неудобныхъ паралиевъ и послали ихъ на сторожевую службу въ Эвбею, но одному изъ нихъ, Хереасу, удалось бѣжать на Самось. Этотъ простой морякъ оказался искуснымъ агитаторомъ: со своимъ бурнымъ, нѣсколько первобытнымъ, краснорѣчіемъ, онъ изобразилъ на собраніи солдатъ въ преувеличенно яркихъ краскахъ деспотическій режимъ Четырехсотъ, поруганіе женщинъ и избіеніе дѣтей, а также злое намѣреніе олигарховъ перебить и заключить въ тюрьму всѣхъ близкихъ людей воинства, стоящаго въ Самось.

Самые ярые изъ крайнихъ бросились тогда на сторонниковъ олигархіи, и могла бы произойти жестокая рѣзня, если бы не остановили столкновенія многочисленные умѣренные элементы. Очевидно, въ войскѣ имѣлись всѣ три политическіе отгѣнка тогдашнихъ Аѳинъ, олигархи, средніе круги и радикалы, преимущественно опиравшіеся на бѣотовъ, но заключавшіе въ своихъ рядахъ также богатыхъ судовладѣльцевъ, каковымъ былъ, напр., Фрасибулъ. У радикаловъ оказались очень искусные политическіе вожди, впереди всѣхъ Фрасибулъ и Фрасиль, пока еще воины среднихъ и низшихъ чиновъ. Они представили всю неразумность и опасность взаимнаго истребленія предъ лицомъ врага; настаивая на единствѣ, они привели все воинство къ торжественной присягѣ: крѣпко держаться демократіи, довести войну съ пелопоннесцами мужественно до конца, быть непримиримыми врагами Четырехсотъ и не вступать съ ними ни въ какіе переговоры. вмѣстѣ съ аѳинской арміей принесло ту же присягу воинство Самоса, которое такимъ образомъ побраталось съ аѳинянами. Затѣмъ солдаты устроили и провели настоящее народное собраніе съ выборами, дебатами и резолюціями.

Рѣшительность, политическая опытность и выдержка руководителей собранія на Самосѣ рѣзко отличается отъ пассивности и растерянности, царившихъ въ то время въ Аѣинахъ. Экклесія воиновъ въ Самосѣ отстранила всѣхъ подозрительныхъ стратеговъ и назначила новыхъ; среди вновь избранныхъ были Фрасибулъ и Фрасиль. Фукидидъ передаетъ общее содержаніе рѣчей, произнесенныхъ импровизированными ораторами въ этомъ достопамятномъ собраніи. Если все это и не было въ точности именно такъ сказано, то во всякомъ случаѣ историкъ замѣчательно вѣрно передаетъ настроеніе аѣинскаго воинства ⁴².

«Не мы отъ Аѣинъ отпали,—говорилось между прочимъ въ собраніи,— а Аѣины отъ насъ: меньшинство отдѣлилось отъ большинства, притомъ это большинство обладаетъ значительнымъ перевѣсомъ въ средствахъ и силахъ; вѣдь разъ у насъ вся морская мощь, мы можемъ принудить всѣ подвластные города къ уплатѣ денегъ, какъ будто бы приказъ пришелъ изъ Аѣинъ. Обладая флотомъ, мы лучше обеспечены припасами, чѣмъ тѣ, которые остались въ Аѣинахъ. Только благодаря нашей позиціи въ Самосѣ, населеніе Аѣинъ располагаетъ свободнымъ въѣздомъ въ Пирей, а если тамъ не возстановятъ прежняго демократическаго устройства, то мы можемъ отрѣзать ихъ отъ моря. Городъ ничѣмъ не можетъ помочь намъ въ борьбѣ съ врагомъ, онъ не посылаетъ намъ денегъ, солдаты сами ихъ достаютъ, онъ не можетъ дать разумныхъ политическихъ указаній, въ силу которыхъ община вообще управляетъ войсками. Но и въ этомъ отношеніи они сбились съ пути, разрушивъ конституцію отцовъ, между тѣмъ, какъ мы ее сохранили и постараемся заставить ихъ возстановить ее. Слѣд., и умѣлые совѣтники въ политическихъ дѣлахъ у насъ не хуже, чѣмъ тамъ. Наконецъ, что всего важнѣе: если всюду будетъ неудача, наша огромная морская сила откроетъ намъ возможность завладѣть въ любомъ мѣстѣ новыми городами и новой территоріей». Въ послѣднихъ словахъ опять слышится знакомый, можно сказать, вѣчный греческій мотивъ, посредствомъ котораго еще Фемистоклъ старался ободрить и утѣшить гражданство, бѣжавшее съ родной земли на корабли. Остальное—чисто-аѣинскія идеи: сознаніе морской мощи Аѣинъ, крѣпко засѣвшее въ головахъ солдатъ и моряковъ, ихъ убѣжденіе, что они одни составляютъ истинныя Аѣины, что они призваны возродить и исправить измѣнившій политической правдѣ городъ, наконецъ, наивная увѣренность, что демократія—исконный отцовскій строй Аѣинъ, все это мысли эпохи большой борьбы за первенство, и все это великолѣпно формулировалъ въ своей исторіи умѣйшій ученый великой погибающей республики.

Демократическіе дѣятели въ арміи рѣшили повернуть въ свою

пользу всю комбинацію съ Алкивіадомъ и персидекой субсидіей, затѣянную олигархами. Θрасибулъ отправился въ Сарды и передалъ Алкивіаду постановленіе «аѳинскаго демоса», т. е. арміи, о возвратѣ изгнанника и отмѣнѣ угрожавшихъ ему наказаній. Прибывши въ Самось, Алкивіадъ въ преувеличенныхъ выраженіяхъ сталъ говорить о своемъ вліяніи на Тиссаферна, о предстоящемъ разрывѣ персовъ со Спартой и обѣщаніи Тиссаферна платить аѳинянамъ субсидію. Армія выбрала Алкивіада верховнымъ главнокомандующимъ и облекла его неограниченными полномочіями. Алкивіадъ проявилъ большую самостоятельность и искусство среди борьбы аѳинскихъ партій. Онъ отказался вести войско на Пирей для низверженія 400, но въ то же время объявилъ комиссіи, присланной изъ Аѳинъ, что не признаетъ олигархическаго правительства и согласенъ имѣть дѣло только съ умѣренной демократіей 5.000.

Низверженіе олигархіи въ Аѳинахъ и умѣренная конституція. Положеніе, занятое арміей въ Самосѣ и ея новымъ вождемъ, избраннымъ солдатами помимо аѳинскаго правительства, рѣшило судьбу олигархіи. Отъ крайнихъ приверженцевъ правленія клубовъ отдѣлилась цѣлая группа, во главѣ съ Θераменомъ и Аристократомъ; въ свое время, они ревностно помогали разрушенію демократіи и водворенію тайнаго совѣта 400; теперь въ виду заявленія Алкивіада они стали громко говорить о необходимости признанія 5.000 и установленія той конституціи, которая была обѣщана въ началѣ переворота. Крайніе олигархи дискредитировали себя окончательно тѣмъ, что начали стрѣить укрѣпленіе Этетіонію у вѣзда въ гавань Пирея; официально говорилось, что это—крѣпость для защиты отъ аѳинскаго демократическаго воинства; Θерамень и его партія стали увѣрять, что у олигарховъ предательскіе планы впустить въ Пирей пелопоннесцевъ. Когда показался въ виду берега Аттики пелопоннесскій флотъ, направлявшійся къ Эвбеѣ, гоплиты вдругъ поднялись, арестовали своего начальника, преданнаго олигархіи, и начали спѣшно разрушать Этетіонію. Дѣло крайнихъ было совсѣмъ проиграно; къ тому же одного изъ самыхъ дѣятельныхъ вождей, Фриниха, убили на улицахъ Аѳинъ; Писандръ, Антифонъ и еще нѣсколько человекъ бѣжали въ спартанскій лагерь, Θерамень сталъ открыто во главѣ средней, или гоплитской, партіи. Гоплиты ведутъ себя приблизительно, какъ демократическая армія въ Самосѣ: сходятся на собранія, принимаютъ политическія резолюціи, выбираютъ должностныхъ лицъ. Собравшись на большую экклесію въ театрѣ Діониса въ Пиреѣ, они идутъ затѣмъ сомкнутымъ строемъ въ Аѳины и требуютъ къ отвѣту правительство 400. Въ это время приходитъ извѣстіе объ отпаденіи Эвбеи. Спѣшно снаряжаютъ наличные военные ко-

рабли и сажаютъ, кого пришлось, большею частью неумѣлыхъ людей. Для аѳинянъ ясно одно: они теряютъ въ Эвбеѣ самое цѣнное свое владѣніе. Однако въ войнѣ отсутствіе общаго руководительства и даже вообще всякой команды жестоко мститъ за себя. Посланная въ Эвбею эскадра терпитъ пораженіе отъ пелопоннесцевъ, и островъ остается потеряннымъ для Аѳинъ.

По мнѣнію Фукидида, этотъ моментъ внутреннихъ раздоровъ, осложненный утратой важнѣйшей провинціи державы, могъ бы принести Аѳинамъ немедленную гибель, если бы враги, т.-е. спартанцы, было болѣе дѣятельны, если бы на ихъ мѣстѣ были, напр., сиракузяне, похожіе на аѳинянъ по энергіи и находчивости. Благодаря медлительности Спарты, Аѳины вышли изъ кризиса, который по тяжести своей не уступалъ сицилійской катастрофѣ⁴³.

Послѣ неудачи подъ Эвбеей, правительство 400 капитулировало безъ всякаго сопротивленія. Въ большомъ собраніи, созванномъ по-старому на Пниксѣ, была принята конституція 5.000. Она соответствовала политической программѣ Ферамена, которую этотъ дѣятель самъ опредѣлилъ слѣдующимъ образомъ: «я осуждаю тотъ видъ крайней демократіи, гдѣ дѣло доходитъ до того, что рабы и бѣдные граждане, готовые продать отечество за драхму, принимаютъ участіе въ правленіи, но я также противникъ олигархіи, въ которой немногіе могущественные люди притѣняютъ остальное гражданство. Я всегда считалъ наилучшимъ то устройство, гдѣ полноправными гражданами являются своекоштные всадники и гоплиты»⁴⁴. Фукидидъ считаетъ основой умѣренной конституціи гоплитскій цензъ и отмѣну жалованія за должности. Одной весьма существенной стороны конституціи 5.000 мы совѣтъ не знаемъ: какъ согласно новому устройству была организована правительственная власть? Вѣроятно, возстановили совѣтъ 500 и притомъ по старому способу избранія, такъ какъ Четыреста были немедленно распущены. Фукидидъ передаетъ только одну любопытную подробность. Учредили комиссію номоетовъ, т.-е. составителей или редакторовъ законовъ. По видимому, это была форма охраны конституціи *взмѣнъ γράφῃ παραβόλων*. Для того, чтобы устранить опасность случайныхъ законодательныхъ резолюцій и вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы не было нужды поднимать сложный аппаратъ судебного процесса для доказательства противозаконности новыхъ предложеній, было рѣшено передавать вносимые въ экклесію законопроекты номоетамъ; эта комиссія обязана была разсматривать ихъ съ точки зрѣнія соответствія существующимъ законамъ.

Врагъ крайней демократіи и господства морской черни, Фукидидъ произноситъ панегирикъ конституціи 5.000: «По моему мнѣнію, аѳин-

няне впервые теперь получили наилучшее устройство; будучи разумнымъ смѣшеніемъ олигархическихъ и демократическихъ элементовъ, оно помогло вывести государство изъ самой тяжелой бѣды»⁴⁵. Приходится здѣсь внести поправку къ сужденію великаго греческаго историка: спасла Аѣины въ 411—410 гт. не умѣренная конституція, а блестящія побѣды демократическаго воинства и его стратеговъ.

Геллеспонтская война. Виѣшнее положеніе Аѣинъ въ концѣ 411 года было самое критическое. Къ потерѣ Эвбеи присоединилось также отпаденіе ряда городовъ въ проливахъ, ведущихъ къ Черному морю. Еще во время подготовки олигархической революціи спартанцы возобновили сношенія съ Фарнабазомъ, прерванные въ свое время въ пользу Тиссаферна; отрядъ пелопоннесцевъ, подъ начальствомъ спартанца Деркилида, прошелъ отъ побережья Іоніи внутренними путями къ Геллеспонту и склонилъ къ отпаденію отъ Аѣинъ Абидосъ и Лампсакъ, важные по своему положенію въ самомъ узкомъ мѣстѣ пролива; спартанецъ Клеархъ съ эскадрой проѣхалъ черезъ проливы, и въ результатѣ отъ аѣинской державы отпала Византія. Помимо потери большой доли дохода съ податей геллеспонтскаго округа, Аѣины утратили еще торговлю съ Понтомъ; всего же опаснѣе было прекращеніе подвоза жизненныхъ припасовъ изъ Черноморья. Около времени паденія 400 произошла смѣна спартанскаго наварха, и новый командиръ Миндаръ, болѣе рѣшительный, чѣмъ Астіохъ, двинулся со всѣмъ флотомъ изъ Іоніи къ Геллеспонту, чтобъ нанести аѣинянамъ окончательный ударъ. Перемена театра войны объясняется не только личными качествами спартанскаго вождя, но также настроеніемъ его войска. Во время продолжительныхъ кампаній второй половины Пелопоннесской войны во всѣхъ греческихъ арміяхъ такъ же, какъ уже давно это произошло въ аѣинской, вырабатывается корпоративное сознаніе, появляется своя особая организація, независимая отъ начальства, назначеннаго общиной: солдаты и моряки обсуждаютъ самостоятельно положеніе и критикуютъ дѣйствія вождей, нерѣдко весьма подозрительно относятся къ новымъ командирамъ, присланнымъ съ родины. Напр., когда сиракузскій отрядъ, сражавшійся вмѣстѣ съ пелопоннесцами у береговъ Малой Азіи, узналъ, что народное собраніе въ Сиракузахъ отрѣшило популярнаго Гермократа и назначило другихъ начальниковъ, воины вынесли резолюцію о неправильности дѣйствій демоса; лишь съ большими усилиями удалось Гермократу убѣдить войско подчиниться рѣшенію народа и принять новыхъ командировъ⁴⁶. Предшественникъ Миндара, Астіохъ, едва былъ въ силахъ сдерживать своихъ солдатъ, недовольныхъ тѣмъ, что ихъ не пускаютъ въ бой, а держатъ въ полной бездѣятельности въ гавани. Въ пелопоннесской арміи утверждали, что

Тиссафернъ обманываетъ спартанцевъ, что его общанія привести финикійскую эскадру—пустыя слова; надо немедленно броситься на аеинянъ, пользуясь тѣмъ, что они ослаблены раздоромъ партій. Безъ сомнѣнія, пускаясь въ новую геллеспонтскую кампанію, Миндаръ въ значительной мѣрѣ уступалъ настояніямъ своего войска.

Борьба въ Геллеспонтѣ представляетъ, можетъ быть, самую блестящую страницу аеинской военной исторіи. Оборотная сторона аеинскихъ побѣдъ состояла въ томъ, что герои войны всякій разъ для того, чтобъ подготовить нападеніе, должны были произвести гдѣ-нибудь болѣе или менѣе систематическій грабежъ: и самъ главнокомандующій, Алкивиадъ, и подчиненные ему командиры, Эрасибуль, Эрасиль, Эераменъ и др., не разъ отправлялись ἀγυρολογεῖν, собирать серебро, т.-е. грозить приморскимъ городамъ разрушеніемъ, если они не заплатятъ выкупа. Солдаты въ Самосѣ были правы, говоря, что они ничѣмъ не связаны съ Аеинами; община не имѣла болѣе финансовъ и предоставляла флоту своему жить пиратствомъ. Война эта замѣчательна еще тѣмъ, что противники сравнялись въ своей техникѣ: пелопоннесцы бьются на морѣ, возводятъ укрѣпленія и производятъ осадныя работы не хуже аеинянъ, аеиняне покидаютъ, послѣ морского сраженія, корабли и мѣряютъ съ врагомъ въ сухопутномъ бою.

Почти одновременно съ паденіемъ 400 Эрасибуль и Эрасиль разбили Миндара въ большомъ сраженіи при мысѣ Киносемѣ, противъ Абидоса, въ самомъ узкомъ мѣстѣ пролива. Эта побѣда, первая послѣ столькихъ неудачъ, имѣла большое моральное значеніе. Фукидидъ говоритъ, что пелопоннесцы начали уже презирать аеинянъ, какъ противника на морѣ, и сами аеиняне стали бояться встрѣчи съ врагами; теперь они снова ободрились, въ Аеинахъ окрѣпло убѣжденіе, что при настойчивомъ веденіи войны можно будетъ ее выдержать⁴⁷.

Разсказомъ о битвѣ при Киносемѣ обрывается великій трудъ Фукидида. Его продолжатель, Ксенофонтъ, начинаетъ свою Греческую исторію (Ἑλληνικά) безъ всякаго введенія, прямо съ запятой, на которой остановилось перо Фукидида. Повидимому, онъ преклонялся предъ талантомъ своего предшественника и старался, какъ умѣлъ, сохранить его лѣтописную манеру, иллюстрируя выдающіеся моменты рѣчами дѣйствующихъ лицъ. Но у Ксенофонта совсѣмъ другой темпераментъ, нѣтъ драматической изобразительности Фукидида, нѣтъ его глубокихъ философско-историческихъ и политическихъ сужденій. Къ его разсказу, интересному и ясному, нѣтъ комментарія умнѣйшаго современника, а съ этимъ обстоятельствомъ тѣмъ труднѣе примириться, что Фукидидъ несомнѣнно прожилъ до конца войны, и его замѣчанія о послѣднихъ семи годахъ борьбы были бы необыкновенно цѣнны для насъ.

Побѣда Эрасибула и Эрасила заставила Миндара стянуть въ Геллеспонтъ подкрѣпленія; въ свою очередь на новый театръ войны прибылъ Алкивіадъ, покинувъ стоянку на Самосѣ. Осенью 411 года и весною 410 произошли новые упорные бои подъ Абидосомъ и дальше, въ Пропонтидѣ, подъ Кизикомъ у малоазійскаго берега. Пелопоннесцамъ дѣятельно помогаль сатрапъ Фарнабазъ, который подъ Абидосомъ лично принялъ участіе въ сраженіи и даже въ пылу увлеченія заѣхалъ на конѣ въ волны морскія. Въ томъ и другомъ бою Алкивіадъ одержалъ полную побѣду и разгромилъ весь пелопоннесскій флотъ; Миндаръ погибъ, его секретарь отправилъ въ Спарту депешу, перехваченную аѳинянами: «корабли потеряны, Миндаръ убитъ, воины голодаютъ, не знаемъ, что дѣлать». Такимъ образомъ, аѳиняне опять, несмотря на вмѣшательство въ войну персовъ, вернули себѣ господство на морѣ. Одновременно и Агисъ призналъ безуспѣшность войны, которую онъ въ теченіе 3 лѣтъ велъ изъ-подъ Декелеи. Отбитый отъ аѳинскихъ стѣнъ, онъ заявилъ, что нѣтъ возможности одолѣть городъ, пока не захвачены тѣ мѣстности, откуда аѳиняне получаютъ подвозъ.

При этихъ условіяхъ Спарта рѣшилась предложить Аѳинамъ миръ на основѣ фактическаго положенія, но съ условіемъ, чтобъ аѳиняне очистили Пилосъ, а спартанцы Декелею. Во главѣ посольства стоялъ извѣстный въ Аѳинахъ и близкій къ Алкивіаду бывший эфоръ Эндій. Умѣренные готовы были принять предложенія Спарты. Это значило, собственно, согласиться на раздробленіе державы, уступку Іоніи и Эвбеи, а также отказаться отъ понтійскаго подвоза, такъ какъ побѣдоносный аѳинскій флотъ очистилъ лишь Геллеспонтъ, что же касается Византіи и Калхедона, ключей къ Босфору, то они были въ рукахъ враговъ, спартанцевъ и персовъ, и, слѣд., въѣздъ въ Понтъ оставался закрытымъ. Какъ бы ни была настроена господствующая партія въ Аѳинахъ, на предложенныя Спартой условія ни за что бы не согласилось войско и его счастливый предводитель, и они были совершенно правы въ томъ смыслѣ, что, разъ не возстановилась финайсовая основа аѳинской державы, она не могла содержать своей арміи и флота. Въ самихъ Аѳинахъ продолженію войны и возстановленію финансовъ должны были сочувствовать бѣдные классы, лишившіеся по конституціи 5.000 всякихъ выдачъ изъ казны. Представителемъ ихъ интересовъ и сторонникомъ войны, направляемой непобѣдимымъ Алкивіадомъ, выступилъ демагогъ Клеонъ, фабрикантъ лиръ. Онъ предложилъ рѣшеніе въ духъ Клеона: потребовать у Спарты возврата отпавшихъ союзныхъ общинъ, Хіоса, Милета, Родоса, Эвбеи и Византіи. На этомъ неисполнимомъ для Спарты требованіи сорвались мирные переговоры.

Возстановленіе демократіи. Крушеніе мира вмѣстѣ съ тѣмъ было торжествомъ крайней демократіи въ Аѣнахъ. Мы не знаемъ момента, когда капитулировало правленіе 5.000; можетъ быть, онъ совпадаетъ съ отверженіемъ мирныхъ условій, предложенныхъ Спартой. Во всякомъ случаѣ, конституціи умѣренныхъ наступилъ теперь конецъ. Расколъ между городомъ и воинствомъ прекратился, обѣ доли Аѣнъ возсоединились. Реставрація демократіи не была вполнѣ мирнымъ переворотомъ. Демось находился въ большомъ возбужденіи и припомнилъ своимъ врагамъ нанесенныя ему обиды. Тотчасъ же начались судебныя преслѣдованія участниковъ правительства 400, а также тѣхъ, кто служилъ имъ и занималъ при нихъ какія-либо должности. Цѣлый рядъ лицъ былъ осужденъ экклесіей на смерть или на изгнаніе, многіе приговорены къ тяжелымъ штрафамъ. Права политическія были отняты у тѣхъ воиновъ, которые до конца остались вѣрны правительству 400, слѣд., у многихъ гоплитовъ и у большинства всадниковъ. Возстановленная демократія руководилась чувствомъ мщенія и создала себѣ въ высшихъ классахъ еще горшихъ враговъ, чѣмъ раньше.

Интересны конституціонныя новшества, внесенныя подъ вліяніемъ испытаннаго переворота. Демократія сохранила законодательную комиссію, введенную правленіемъ 5.000, замѣнивъ только названіе *πολιθεῖται* терминомъ *συγγραφεῖς*. Но она считала учрежденіе это недостаточной гарантіей устойчивости конституціи. Поэтому, во-первыхъ, приступили къ составленію систематической писанной конституціи; была образована еще комиссія *ἀναγγραφεῖς*, которымъ поручили записать дѣйствующіе политическіе законы и привести ихъ въ согласіе между собою. Во-вторыхъ, приняли рядъ резолюцій, которыя должны были обезпечить верховенство народа въ важнѣйшихъ государственныхъ вопросахъ и зависимость отъ него совѣта Пятисотъ. Очевидно, боялись, чтобы въ совѣтѣ не завелась опять олигархія; вожди демократіи придумали курьезныя правила, опредѣлявшія порядокъ занятія мѣстъ въ засѣданіяхъ совѣта ⁴⁸.

Свое возрожденіе демократія отмѣтила рядомъ торжественныхъ демонстрацій. Лѣтомъ 410 г. было принято предложеніе Демофанта, въ силу котораго всякій, кто будетъ участвовать въ уничтоженіи демократіи или займетъ должность послѣ ея паденія, объявляется врагомъ аѣнннъ, подлежащимъ смерти; имущество его достается государству, десятая часть—богинѣ. Всѣ аѣнннне, раздѣлившіеся по филамъ и демамъ, принесли присягу передъ праздникомъ великихъ Діонисей въ томъ, что, оберегая демократическое устройство словомъ и дѣломъ, голосованіемъ и физическимъ воздѣйствіемъ, они будутъ истреблять и преслѣдовать враговъ демократіи; убійца врага демократіи будетъ считаться

свободнымъ отъ кровавой вины и получить половину имущества убитаго ; если же самъ пострадаетъ, то его памяти и его дѣтямъ будутъ воздаваться почести, какъ тиранноубійцамъ Гармодію и Аристокейтону. Согласно этому рѣшенію, убійцѣ Фриниха, иностранцу, дали право аѣинскаго гражданства и присудили золотой вѣнокъ ⁴⁹. Всѣ эти клятвы и проклятія въ сущности составляли изобрѣтеніе заговорщиковъ, но произвели сильное впечатлѣніе и на демократическіе круги; сначала большую взаимную присягу принесло воинство въ Самосѣ, затѣмъ послѣдовало гражданство въ Аѣинахъ—тѣ и другіе въ увѣренности, что этимъ магическимъ средствомъ будетъ обезпечена прочность устанавливаемого порядка.

Демократія вернулась со всѣмъ своимъ привычнымъ аппаратомъ: снова было введено прогрессивное обложеніе богатыхъ гражданъ для устройства праздниковъ и снаряженія судовъ, снова возстановили выдачи присяжнымъ и всѣмъ служащимъ и даже, въ виду бѣдственнаго положенія массы гражданъ, по предложенію Клеофонта, стали производить особую суточную выдачу, такъ наз. діобелію (два обола—15 коп.). Специально назначенная коммисія наблюдала за правильной уплатой суммъ, предназначенныхъ бѣднымъ; какъ только въ кассѣ появлялись деньги, ихъ тотчасъ забирали для выдачи діобелій. Опять народъ отдался приливу благочестія и возобновилъ постройку на акрополѣ храма въ честь своего мѣстнаго патрона Эрехея. Опять начали справлять шумные, полные художественности и тароватости, большіе праздники. Народъ не вѣрилъ, что надвигается катастрофа.

Полновластіе и паденіе Алкивіада. Послѣ побѣды при Кизикѣ инициатива военныхъ дѣйствій перешла къ аѣинянамъ. Они рѣшились раздѣлить свои силы и, продолжая борьбу въ проливахъ, направить экспедицію подъ начальствомъ Эрасида для отвоеванія Іоніи. Однако они встрѣтились со своеобразной коалиціей. Угрожаемый въ своей сатрапій аѣинскимъ отрядомъ, Тиссафернъ обратился къ малоазійскимъ грекамъ съ призывомъ помочь Артемидѣ, великой богинѣ Эфеса. Собралось пестрое войско изъ эфесскихъ грековъ, персидскихъ полковъ Тиссаферна и стоявшихъ у береговъ Іоніи сиракузянъ; аѣинскій десантъ потерпѣлъ жестокое пораженіе. Почти одновременно съ этой неудачей аѣиняне потеряли Пилось, а вмѣстѣ съ этимъ пунктомъ важную угрозу противъ Спарты; у нихъ не было болѣе залога въ Пелопоннесѣ на случай мирныхъ переговоровъ.

Но въ проливахъ, гдѣ дѣйствовалъ Алкивіадъ, успѣхи аѣинянъ продолжались. Одинъ за другимъ захватывали они города на азіатскомъ и на европейскомъ побережьи Пропонтиды (Мраморнаго моря). У входа въ Босфоръ въ Хрисополѣ (нынѣшней Скутари) Алкивіадъ устро-

иль аѳинскую таможенную для взиманія десятипроцентнаго сбора со всѣхъ товаровъ, провозимыхъ изъ Чернаго моря. Предстояло самое важное— овладѣть Калхедономъ и Византіей, которые составляли ворота Босфора. Оба города отпали отъ аѳинской державы и приняли спартанскихъ гармостовъ съ отрядами пелопоннессцевъ. Калхедонъ считался принадлежащимъ къ персидской сатрапіи Фарнабаза, и, кромѣ всего, аѳиняне встрѣтились здѣсь съ персами. Алкивіадъ дѣйствовалъ, однако, столь успѣшно, что Фарнабазъ отступился отъ Калхедона, выразилъ соглашеніе на возвращеніе города аѳинской державѣ и заплатилъ ей долгъ Аѳинамъ; не менѣе существеннымъ казалось то, что онъ взялся провожать аѳинское посольство, отрѣженное для заключенія союза съ великимъ царемъ:

Персамъ удивительно везло на греческихъ междоусобіяхъ: теперь никто уже въ Греціи не помышлялъ о національныхъ задачахъ, о независимости отъ азіатскаго деспота, напротивъ, всѣ наперерывъ искали его дружбы и особенно его денегъ: поступить къ персамъ на службу, чтобы уничтожить своего врага. Персамъ приходилось только выбирать, кто изъ наемниковъ менѣе опасенъ; пока они рѣшительно склонялись на сторону спартацевъ, все-таки болѣе медлительныхъ и, во всякомъ случаѣ, менѣе освоившихся съ моремъ. Благодаря этой конкуренціи въ ухаживаніи за персами аѳиняне встрѣтились въ своей миссіи со спартацами: въ одной и той же компаніи, провожаемые персами, ѣхали къ царю послы аѳинскіе, спартанскіе и еще Гермократъ сиракузскій, чтобъ добыть денегъ для своей далекой родины.

Послѣ Калхедона наступила очередь Византіи. Несмотря на энергичную оборону, которую велъ спартаецъ Клеархъ, Алкивіадъ заставилъ городъ капитулировать и, передавши власть въ руки демократической, т. е. расположенной къ Аѳинамъ партіи, воссоединилъ его опять съ державой. На очереди теперь было отвоеваніе Іоніи. Но Алкивіадъ отложилъ стратегическую задачу въ пользу политической. Въ теченіе трехъ лѣтъ онъ стоялъ во главѣ побѣдоносной арміи, считался въ союзѣ съ демократіей, получалъ изъ Аѳинъ утвержденіе въ командованіи, но не появлялся въ городѣ. Онъ все еще не былъ увѣренъ въ прочности симпатій къ нему народа. Послѣ завоеванія богатаго геллеспонтскаго округа, послѣ возстановленія торговли съ Понтомъ, въ виду перспективы союза съ персами, наконецъ, обремененный большой добычей, онъ, казалось, могъ разсчитывать на полную реабилитацію въ Аѳинахъ; у него, видимо, были цѣли добиться еще большаго—тиранніи. Лѣтомъ 408 года Алкивіадъ прибылъ въ Аѳины. Враги его отмѣтили обстоятельство, которое невыгодно отразилось въ настроеніи суетворныхъ аѳинянъ: адмиральскій корабль его вошелъ въ

гавань Пирея въ праздникъ Плинтерій, когда выносили изъ храма старинное изображеніе богини Аѳины для того, чтобъ омыть его въ морскихъ волнахъ; въ этотъ день молитвенной тишины всѣ дѣла въ городѣ приостанавливались. Алкивіадѣ пришлось считаться съ нервной религіозностью своихъ согражданъ, развившейся особенно во время войны. Фривольный вольнодумецъ, обвинявшійся за семь лѣтъ до того въ осмѣяніи мистерій, долженъ былъ самъ прикинуться благочестивымъ и помочь аѳинянамъ отпраздновать по-старинному великій праздникъ Элевсинскихъ мистерій. За время занятія спартацами Декелеи аѳиняне не могли пользоваться священной дорогой въ Элевсинъ; руководители мистерій и богомольцы отправлялись моремъ. Алкивіадъ провелъ процессію подъ охраной своего войска сухимъ путемъ и заставилъ аѳинянь какъ бы забыть о тяжеломъ осадномъ положеніи.

Въ глазахъ многихъ онъ теперь казался человѣкомъ, единственно способнымъ возстановить прежнее могущество Аѳинъ. Въ тѣсномъ союзѣ съ радикальной демократіей Алкивіадъ занялъ совершенно небывалое положеніе въ республикѣ. Актъ его возвеличенія народомъ превосходитъ все, что когда-либо допускалось въ Аѳинахъ: ему передали верховное командованіе и неограниченныя полномочія для веденія всѣхъ государственныхъ дѣлъ (*ἀναρχρηθεὶς ἀπάντων ἡγεμὼν αὐτοκράτωρ*)⁵⁰.

Когда осенью 408 г. Алкивіадъ направился во главѣ флота къ берегамъ Іоніи, положеніе дѣлъ на востокѣ рѣзко измѣнилось. Аѳинскіе послы не добрались до персидскаго двора: ихъ остановило въ дорогѣ извѣстіе о дипломатическомъ успѣхѣ Спарты при царскомъ дворѣ. Спартацы пожаловались царю Дарію II на уклончивую политику Тиссаферна, и царь, отвѣчая на ихъ желанія, назначилъ своего младшаго сына Кира начальникомъ (*χάρωνος*) всей прибрежной малоазійской арміи, выдавши ему большую сумму въ 500 талантовъ для содержанія спартанскаго войска. Киръ велѣлъ немедленно задержать аѳинскихъ пословъ, находившихся въ Азіи, чтобы они не могли сообщить никакихъ свѣдѣній на родину. Въ это время спартанское правительство назначило главнокомандующимъ въ Азію Лисандра. Навархъ стянулъ всѣ морскія силы пелопоннесцевъ въ гавань Эфеса. Отсюда онъ могъ наблюдать дѣйствія аѳинянь у Хиоса и Самоса, а также удобно сноситься съ Киромъ, имѣвшимъ резиденцію въ Сардахъ. Лисандръ уступалъ въ военныхъ талантахъ Алкивіадѣ, но рѣшительно выдавался, какъ дипломатъ и администраторъ. Онъ наладилъ отношенія съ Киромъ, вошелъ въ такое довѣріе у персовъ, какъ никто изъ его предшественниковъ, и добился высокой платы для своихъ солдатъ, стремясь вызвать деморализацію въ рядахъ аѳинянь, которые должны были жить грабежомъ. Если на закрѣпленіе дружбы съ персами можно смотрѣть, какъ на счастливую

случайность его карьеры, то прямымъ созданиемъ Лисандра слѣдуетъ назвать организацію олигархій, которую онъ сталъ проводить въ малоазійскихъ и островныхъ общинахъ. Лисандръ превосходно постигъ политическую пригодность тайныхъ обществъ; онъ сумѣлъ пойти дальше, чѣмъ дѣятели аѳинскихъ гетерій 411 года, устроилъ въ колоніальныхъ общинахъ союзъ союзовъ и забралъ руководство этой организаціей въ свои руки; поощряя всюду дѣятельность клубовъ, онъ вызывалъ къ себѣ въ Эфесъ ихъ представителей и давалъ общее направленіе ихъ дѣйствіямъ.

Лисандръ обладалъ въ высокой мѣрѣ искусствомъ терпѣливо выждать момента, когда противникъ сдѣлаетъ промахъ или ослабитъ свою бдительность. Алкивіадъ выставилъ противъ Эфеса у мыса Нотія наблюдательную эскадру, строго приказавъ ей командиру Антиоху не вступать въ битву съ пелопоннескимъ флотомъ, а самъ направился покорять города сѣверной Іоніи. Антиохъ не послушался, вызвалъ Лисандра на бой и потерялъ 15 триеръ. Когда Алкивіадъ съ главною частью флота подѣхалъ на помощь, Лисандръ уже былъ опять въ гавани Эфеса и не принялъ боя. Пораженіе при Нотіи рѣшило участь Алкивіада. Послѣ преувеличенныхъ упованій, которыя на него возлагали, его теперь считали во всемъ виноватымъ; онъ былъ отрѣшенъ отъ командованія, вмѣстѣ съ нимъ его близкій другъ Эрасибулъ, усиліями котораго главнымъ образомъ состоялся возвратъ Алкивіада въ 411 г. Опять, какъ въ 415 г. въ Сициліи, Алкивіадъ, несмотря на свою популярность въ войскѣ, не рѣшился на возмущеніе; аѳинскіе солдаты, видимо, не стали бы поддерживать его въ попыткахъ захватить монархическую власть. Алкивіадъ былъ, однако, теперь не простымъ бѣглецомъ, какъ въ 415 г.; у него имѣлись замки на высотахъ Херсонеса, господствующихъ надъ Геллеспонтомъ, и онъ отправился туда въ качествѣ настоящей владѣтельной особы на аѳинской триерѣ (весною 407 г.).

Въ Аѳинахъ въ связи съ отрѣшеніемъ Алкивіада вообще наступила реакція противъ самодержавства единаго главнокомандующаго. Во главѣ флота и войска поставили 10 стратеговъ, равныхъ между собою по власти; всѣ они были изъ партіи враждебной Алкивіаду; бывшіе его сотрудники, Эерамень и Эрасибулъ, служили подъ ними въ качествѣ простыхъ капитановъ. Между тѣмъ произошла смѣна наварха въ Спартѣ. Лисандръ вызвалъ на родинѣ большое недовольство, особенно въ кругахъ, близкихъ къ царю Павсанію; говорили, что счастливый командиръ готовитъ внутренній переворотъ и собирается устранить наслѣдственную власть царей, чтобы стать на ихъ мѣсто; онъ, казалось, медлитъ и затягиваетъ войну, чтобы укрѣпить свое властное положеніе. Обвиненіямъ придали идеалистическую форму: Лисандръ,

говорили его враги, измѣнилъ старинному спартанскому идеалу независимости, онъ слишкомъ ухаживаетъ за персами. Противная ему партія провела въ навархи Калликратидѣ, молодого человѣка съ прямой и рѣзкой повадкой. Новый командиръ заявилъ, что его цѣль—какъ можно скорѣе окончить кампанію и установить примиреніе съ Аѣинами.

Великая битва при Аргинусахъ и процессъ стратеговъ-побѣдителей. Калликратидъ не хотѣлъ поддерживать сношенія съ клубами, которымъ такъ благопріятствовалъ Лисандръ. Съ персами гордый навархъ также не сумѣлъ поладить. Киръ заставилъ его ждать въ своей передней въ Сардахъ; тогда Калликратидъ обратился къ богатому Милету и другимъ отпавшимъ отъ Аѣинъ союзникамъ, предлагая имъ субсидировать войну во имя общегреческаго интереса для того, чтобы не было больше нужды обращаться къ помощи персовъ. Ему удалось быстро увеличить свой флотъ до 170 тріеръ; ближайшей цѣлью онъ ставилъ отвоеваніе у аѣинянъ Лесбоса. Аѣинскій адмиралъ Кононъ поспѣшилъ отъ своей стоянки въ Самосѣ на защиту угрожаемаго острова, но Калликратидъ загналъ его въ гавань Митилены, уничтожилъ 30 тріеръ и загородилъ выходъ остальнымъ 40 кораблямъ; высадившись на островѣ, онъ началъ осаду Митилены съ суши; припасовъ въ городѣ было мало, и Конону грозила неминуемая капитуляція.

Аѣины находились въ отчаянномъ положеніи. Флота больше не имѣлось, нечѣмъ было высвободить Конона, а съ нимъ вмѣстѣ въ Митиленѣ было заперто единственное войско; какое выставили Аѣины. Гибель Конона немедленно должна была повлечь за собой сдачу самихъ Аѣинъ. Никогда за всю свою исторію аѣиняне не проявляли такой изумительной энергіи: они набрали съ разныхъ концовъ старыхъ тріеръ, починили ихъ, достроили сибѣшно новыхъ и въ теченіе мѣсяца снарядили 110 кораблей; для того, чтобы найти нужное число капитановъ, шкиперовъ, солдатъ и гребцовъ, пришлось забрать гражданъ всѣхъ возрастовъ и всѣхъ классовъ, между прочимъ многихъ всадниковъ, а, съ другой стороны, также большое количество рабовъ, обѣщавши послѣднимъ свободу и гражданскія права. Почти все мужское населеніе Аттики, способное къ бою, было двинуто на корабляхъ, какъ въ дни Саламинской битвы; оставили только необходимый контингентъ для защиты стѣнъ, такъ какъ спартанцы продолжали стоять въ Декелеѣ.

По прибытіи въ Самосъ аѣинская эскадра увеличилась до 150 кораблей и двинулась къ Лесбосу. Калликратидъ, оставивъ заслонъ противъ Конона, рѣшилъ атаковать аѣинянъ съ 120 тріерами. Обѣ эскадры встрѣтились у Аргинусскихъ острововъ, въ проливѣ между Лесбосомъ и материкомъ. Все, что связано съ этой «величайшей битвой

между греками», полно трагическаго интереса. Въ отчаянную борьбу людей словно вмѣшиваются стихіи: жестокія бури свирѣпствуютъ передъ самымъ сраженіемъ и тотчасъ послѣ него. Флотъ пелопоннескій былъ малочисленнѣе аѳинскаго, но превосходилъ его качествомъ кораблей и искусствомъ маневрированія. Аѳиняне покинули свою прежнюю тактику и рѣшили биться сомкнутымъ строемъ, опасаясь, чтобы враги не разъединили ихъ тріеръ, т.-е. не примѣнили противъ нихъ стариннаго знаменитаго ихъ собственнаго приѣма. Въ аѳинскомъ флотѣ имѣлся еще одинъ своеобразный недостатокъ сравнительно съ пелопоннескимъ: въ немъ не было единства команды. Восемь стратеговъ раздѣлили между собою поровну составъ эскадры и на общемъ совѣтѣ согласились дѣйствовать по опредѣленному плану. Страшная гроза и буря не дала нетерпѣливому Калликратиду напасть на аѳинянь до разсвѣта. При столкновеніи кораблей Калликратидъ упалъ за бортъ и утонулъ въ волнахъ, и съ нимъ вмѣстѣ погибла послѣдняя тѣнь идеалистическаго налета, который еще сохранился среди растущаго ожесточенія разрушительной междоусобной войны. Долго колебался успѣхъ, пока битва не окончилась рѣшительнымъ пораженіемъ пелопоннесцевъ. Они потеряли 70 тріеръ, около $\frac{3}{5}$ своего флота. Видимо, все аѳинское войско сверху до низу, отъ коллегіи стратеговъ, этого штаба безъ главы, и отъ капитановъ до послѣдняго матроса и гребца, сдѣлало какія-то нечеловѣческія усилія. Аѳиняне понесли въ свою очередь великія жертвы: потонуло и сбито было 25 тріеръ, и весь ихъ экипажъ носился въ волнахъ (лѣтомъ 406 г.).

Для завершения побѣды необходимо было преслѣдовать бѣгущаго непріятеля, а въ моральномъ смыслѣ еще нужнѣе было подать помощь многочисленному экипажу пострадавшихъ аѳинскихъ тріеръ, не говоря о гражданскомъ долгѣ подобрать убитыхъ. Стратеги распорядились сдѣлать то и другое, но вновь разыгралась жестокая буря и не позволила кораблямъ выйти въ открытое море. Послѣ громаднаго напряженія, которое предшествовало высылкѣ экспедиціи, аѳинскому народу показалось, что стратеги слишкомъ легко отнеслись къ своимъ обязанностямъ и виноваты въ гибели множества гражданъ. Ихъ вызвали въ Аѳины къ отвѣту, но еще до прибытія они были отрѣшены отъ должности; народъ снова вернулся къ системѣ трехъ стратеговъ, какъ было при Алкивиадѣ, и выбралъ въ ихъ число Адейманта, человѣка, близкаго къ Алкивиаду. Въ качествѣ обвинителя отставленныхъ стратеговъ выступилъ Тераменъ, капитанъ одного изъ кораблей, которые должны были выйти въ море, чтобы подобрать пострадавшихъ. Во всемъ дѣлѣ дала себя знать интрига Алкивиадовской партіи. Въ составѣ высшаго офицерства въ эту критическую для Аѳинъ минуту произошелъ расколъ, а народъ своею

нервностью помочь двумъ фракціямъ военныхъ людей взаимно истребить другъ друга.

Изъ восьми стратеговъ, вызванныхъ на судъ, двое бѣжали, явились въ Аѳины шестеро: Перикль (сынъ великаго Перикла), Диомедонтъ, Лисій, Аристократъ, Эрасиль (еще раньше разошедшійся съ Алкивиадомъ) и Эрасинидъ. Процессъ аргинусскихъ побѣдителей очень характеренъ для погибающей демократіи. Онъ проходитъ весь на большихъ общенародныхъ сходахъ; народъ рѣшаетъ форму суда, ставитъ обвинительные пункты, опредѣляетъ видъ наказанія и произноситъ вердиктъ, при чемъ все дѣлается подъ впечатлѣніемъ аффекта и съ необыкновенной поспѣшностью, какъ бы перепрыгивая черезъ естественныя ступени въ ходѣ дѣла. Совѣтъ 500, очевидно, связанный правилами конституціи 410 года, дѣйствуетъ вяло и робко.

Въ первой экклесіи по этому дѣлу стратегамъ, обвиненнымъ въ измѣнѣ гражданскому долгу, предоставили слово защиты, но не дали срока подготовиться. Они ссылались на непогоду, помѣшавшую подобрать убитыхъ и подать помощь утопающимъ. Изъ среды собранія многіе предлагали внести за нихъ залогъ и освободить отъ ареста. Наступилъ вечеръ, и стало такъ темно, что нельзя было сосчитать число рукъ, поднятыхъ въ пользу обвиняемыхъ. Дѣло отложили на нѣсколько дней и поручили совѣту 500 составить мнѣніе, какова должна быть форма суда надъ стратегами. Между тѣмъ подошелъ праздникъ Апатурій, т.-е. рождественныхъ союзовъ; масса гражданъ появилась въ траурныхъ одеждахъ, оплакивая погибшихъ на войнѣ. Эраменъ убѣдилъ ихъ придти въ народное собраніе въ траурѣ и выдать себя за родственниковъ моряковъ, утонувшихъ при Аргинусахъ. Въ совѣтѣ 500, по наущенію Эрамена, нѣкто Калликсенъ предложилъ представить народу слѣдующій проектъ (*προβούλευμα*): «такъ какъ аѳиняне уже выслушали обвиненіе и защиту стратеговъ, то имъ предстоитъ въ голосованіи по филамъ произнести приговоръ. Изъ двухъ урнъ въ одну положить камешки тѣ, кто считаетъ, что стратеги провинились противъ народа аѳинскаго, въ другую—тѣ, кто иного мнѣнія. Въ случаѣ признанія вины наказаніемъ для всѣхъ одинаково будетъ смертная казнь и конфискація имущества». Совѣтъ принялъ этотъ изумительный по своей юридической неправильности проектъ и представилъ его въ народное собраніе. Въ экклесіи нѣсколько лицъ, между ними Эвриптолемъ, родственникъ обвиняемаго Перикла, заявили протестъ въ виду противозаконности проекта. Но въ народѣ закричали, что преступно (*δεινόν*) мѣшать демосу дѣлать то, что онъ хочетъ. Поднялся никому невѣдомый Ликискъ и потребовалъ, чтобъ и самихъ протестующихъ судили вмѣстѣ со стратегами. Тогда нѣсколько притановъ рѣшились

повторить протестъ; масса народа шумно потребовала немедленной отдачи ихъ подъ судъ; пританы подчинились, за выключеніемъ Сократа, заявившаго, что онъ не сойдетъ съ почвы закона. Еще разъ Эвриптолемъ попытался повернуть дѣло; онъ предложилъ судить стратеговъ по такъ наз. псефизмѣ Каннона, которая допускала защиту каждаго изъ подсудимыхъ въ отдѣльности. Его предложеніе сначала прошло; снова выступилъ какой-то случайный ораторъ и потребовалъ вторичнаго голосованія (*διαψηροτονία*). На этотъ разъ прошло предложеніе совѣта, вслѣдъ за нимъ голосовали по существу о виновности, осудили всѣхъ 8 стратеговъ, и шестеро бывшихъ налицо были немедленно отведены на казнь.

Ксенофонтъ, вообще сухой и краткій, даетъ чрезвычайно обстоятельный разсказъ о процессѣ аргинусскихъ побѣдителей и живо рисуетъ возбужденіе народа⁵¹. Его главный мотивъ, конечно, выставить непоколебимость Сократа, и даже онъ влагаетъ въ уста своего учителя длинную рѣчь, которая составляетъ явно композицію автора. Но помимо того, разсказъ Ксенофонта даетъ почувствовать, что вся исторія аргинусскаго процесса сознавалась въ аѳинскомъ обществѣ, какъ моментъ остраго и тяжелаго кризиса. Народъ ожесточается противъ своихъ спасителей, совершившихъ почти невѣроятный подвигъ, убиваетъ свою послѣднюю надежду, но кипитъ онъ потому, что и самъ истекаетъ кровью. Народъ во все входитъ, все самъ разбираетъ; въ эти послѣднія минуты своего державнаго существованія онъ помнитъ всего острѣе о своемъ верховенствѣ. У демократіи уже нѣтъ вождей; выступаютъ безвѣстные ораторы, эфемерные совѣтчики, но историкъ запомнилъ ихъ имена, страшная картина народной расправы стоитъ передъ нимъ во всѣхъ деталяхъ, точно это случилось всего вчера. Какъ будто въ видѣ эпилога трагическаго романа разсказываетъ онъ о раскалѣніи, охватившемъ народъ годъ спустя при вѣсти о гибели при Эгоспотамахъ флота, порученнаго ничтожностямъ послѣ славныхъ аргинусскихъ побѣдителей: демось потребовалъ осужденія тѣхъ, кто «его обманулъ», въ особенности Калликсена, автора проекта юридическаго убійства. Ксенофонтъ не забылъ прибавить, что, когда бѣжавшій изъ тюрьмы Калликсенъ вернулся потомъ въ силу общей амністіи, онъ умеръ среди всеобщаго презрѣнія съ голоду.

Катастрофа аѳинскаго флота и капитуляція Аѳинъ. Побѣда при Аргинусахъ спасла Аѳины отъ непосредственной гибели, но повернуть хода войны она не могла. У аѳинянъ не было никакихъ средствъ содержать свой большой флотъ, тогда какъ спартанцы легко могли возстановить потери при помощи персидскаго золота. Тѣмъ не менѣе спартанцы предложили опять миръ и опять его отвергла аѳинская радикальная демократія: для нея внѣ морской имперіи не было жизни. Оже-

сточе́ние достигло крайнихъ предѣловъ: въ Аеинахъ приняли террористическое рѣшеніе отсѣкать у плѣнныхъ правыя руки.

Между тѣмъ въ Іоніи собрался съѣздъ олигархическихъ друзей Лисандра; они отправили въ Спарту посольство и просили снова о назначеніи незамѣнимаго командира. Дѣйствительно, для окончанія войны спартанцамъ необходимо было послать Лисандра, тѣмъ болѣе, что и Киръ только съ нимъ хотѣлъ имѣть дѣло. Пришлось обойти законъ, не допускавшій вторичнаго назначенія одного и того же лица навархомъ; номинальнымъ главнокомандующимъ сдѣлали совершенно незначительнаго Арака, а Лисандра присоединили къ нему въ качествѣ секретаря (*ἐπιστολεύς*), но съ полномочіями адмирала флота. Лисандръ отправился въ свою прежнюю главную квартиру Эфесъ, возобновилъ связи съ олигархическими клубами, побывалъ у Кира, получилъ отъ него крупныя суммы, изъ которыхъ уплатилъ недоимки солдатамъ, и уговорился съ нимъ относительно дальнѣйшаго плана. Между прочимъ персидскій принцъ убѣждалъ Лисандра не бросаться въ битву съ аеинянами—аргинусская побѣда, очевидно, нагнала страха на всѣхъ— а выждать: отсутствіе финансовъ у Аеинъ и нестоимостъ персидскихъ средствъ сдѣлаютъ свое дѣло. Лисандръ доставилъ своимъ олигархическимъ друзьямъ полное удовлетвореніе. Въ Милетѣ при Калликратидѣ партіи вынуждены были установить между собой примиреніе. Лисандръ помогъ олигархамъ устроить погромъ и жестокое избиеніе своихъ противниковъ—демократовъ.

Стянувши въ Эфесъ все, что оставалось отъ пелопоннескаго флота, увеличивъ его контингентами отъ Хиоса и Родоса, Лисандръ внезапно двинулся въ Геллеспонтъ. Это было повтореніе плана Миндара отъ 411 г. Аеиняне послѣдовали за нимъ изъ-подъ Самоса. Въ то время, какъ Лисандръ занялъ выгодное положеніе въ защищенной гавани богатаго запасами Лампсака, аеинскій флотъ остановился на противоположномъ берегу у Эгоспотамъ (козыхъ рѣкъ), далеко отъ рынковъ и въ открытомъ рейдѣ. Каждый день экипажъ сходилъ съ кораблей и разсѣивался по берегу. Алкивиадъ, жившій въ своемъ замкѣ вблизи стоянки аеинскаго флота, обратилъ вниманіе стратеговъ на опасность положенія и совѣтовалъ стать въ гавани города Сеста; но аеинскіе начальники попросили его уйти и не вмѣшиваться въ ихъ дѣла. Лисандръ наблюдалъ внимательно за аеинянами; увидѣвъ моментъ, когда корабли были покинуты, онъ выѣхалъ со своей эскадрой и забралъ безъ боя всѣ аеинскія тріеры, кромѣ 8, которыя успѣлъ увести Кононъ, бѣжавшій въ Кипръ (осенью 405 г.).

Побѣда безъ сраженія при Эгоспотамахъ рѣшила войну. У Лисандра въ рукахъ былъ, прежде всего, путь хлѣбоснабженія Аеинъ;

въ короткое время онъ могъ выморить городъ; онъ даже отпускалъ аѳинскихъ плѣнниковъ, но не иначе, какъ по дорогѣ въ Пирей, чтобъ они еще увеличили число голодающихъ. Затѣмъ, Лисандръ сталъ безпрепятственно забирать все заморскія владѣнія Аѳинъ одно за другимъ: Византія и Калхедонъ открыли ему ворота и выдали аѳинскіе гарнизоны; достаточно было небольшой эскадры, чтобъ отнять у Аѳинъ оракійскій округъ; легко было занять и Лесбосъ, гдѣ Лисандръ ввелъ дорогу для него олигархію. Только въ Самосѣ господствующая демократія, для которой не существовало примиренія съ побѣдителемъ, осталась вѣрна Аѳинамъ. Лисандръ мстил аѳинской демократіи, истребляя безъ пощады все, что отъ нея исходило: онъ казнилъ стратеговъ, взятыхъ въ плѣнъ при Эгоспотамахъ, изгонялъ отовсюду съ острововъ аѳинскихъ клеруховъ.

Въ Аѳинахъ рѣшили сопротивляться до послѣдней степени. Демосъ объявилъ всеобщую амнистію, вернулъ политическія права осужденнымъ за приверженность къ олигархіи, кромѣ тѣхъ, кто измѣнилъ родицѣ и ушелъ къ врагу. Демократію Самоса, сохранившую непоколебимую вѣрность Аѳинамъ, рѣшили принять въ составъ аѳинскаго гражданства. Все эти мѣры, однако, запоздали, разъ Лисандръ сталъ безусловнымъ властителемъ моря (*Θαλαττοκράτωρ*). По своему обыкновенію, онъ не сѣшиль и не тратилъ даромъ силъ. Подѣхавъ со своимъ флотомъ къ Пирею, онъ загородилъ весь подвозъ. Послѣ полутора мѣсяцевъ блокады, когда голодъ сильно далъ себя знать, въ Аѳинахъ заговорили о мирѣ. Спартанскіе эфоры потребовали, въ качествѣ непремѣннаго предварительнаго условія, бреши въ Длинныхъ стѣнахъ, на разстояніи 10 стадій (около 1 $\frac{1}{2}$ версты). Радикальная демократія не хотѣла и слышать о такомъ условіи: Клеофонтъ заявилъ, что всякому, кто зайнется о мирѣ, онъ отрубитъ голову. Между тѣмъ въ Аѳинахъ стали сплочиваться оппозиціонные элементы; ихъ представителемъ выступилъ опять гибкій и перемѣнчивый Θераменъ. Онъ взялся ѣхать для переговоровъ въ Спарту. Около трехъ мѣсяцевъ провелъ онъ тамъ и сговорился съ аѳинскими изгнанниками относительно политическаго плана: дѣло шло о ликвидаціи демократіи. Только съ олигархическими Аѳинами Спарта согласна была мириться. Въ Аѳинахъ олигархи тѣмъ временемъ овладѣли вліяніемъ въ совѣтъ 500, притянули на судъ Клеофонта и совершили надъ нимъ юридическое убійство. Офіціальное посольство, съ Θераменомъ во главѣ, отправилось снова въ Спарту, чтобъ выслушать рѣшеніе созваннаго туда же конгресса пелопоннессцевъ. Коринѳяне и беотійцы требовали полнаго разрушенія Аѳинъ и отдачи населенія въ рабство. Но спартавцы считали сохраненіе Аѳинъ очень важнымъ, чтобъ имѣть противовѣсъ своимъ среднегреческимъ со-

юзникамъ; въ лицѣ Афинъ, перестроенныхъ въ олигархію, они рассчитывали приобрести вѣрнаго вассала. По обыкновенію, свое мнѣніе они облекли въ идеалистическую форму: они не позволятъ обращать въ рабство городъ, который оказалъ Элладѣ такія великія услуги.

Условія мира были таковы: разрушеніе Длинныхъ стѣнъ и укрѣпленій Пирея, отказъ отъ всехъ заморскихъ владѣній, кромѣ острововъ Лемноса, Имброса и Скироса, отдача военныхъ кораблей, возвращеніе изгнанниковъ и полное подчиненіе политикѣ Спарты. Погибавшее отъ голода афинское населеніе приняло эти условія и капитулировало (весною 404 года).

¹ Оук. VIII, 48. ² Тамъ же 92. ³ Тамъ же 97. ⁴ Оук. II, 41. ⁵ Платона Протагоръ 322А—328А. ⁶ Эту теорію Оукидидъ (V, 89 и 105) влагасть въ уста афинянь, ведущихъ диалектическій споръ съ гражданами общины о Мелоса, на который Афины напали въ 416 г. ⁷ Оук. IV, 108. ⁸ Плат. Федонъ 97Д. ⁹ Аристоф. Птицы 1282—4. ¹⁰ Ксен. Воспомин. I, 2, 40—46. ¹¹ Оук. VI, 89. ¹² Оук. VIII, 68. ¹³ Тамъ же 54. ¹⁴ Оук. VI, 27. ¹⁵ Тамъ же 36—40. ¹⁶ Эврипидъ въ пьесѣ „Умоляющія о защитѣ“ 238—45 обвиняетъ богатыхъ въ эгоизмъ, бѣдныхъ—въ безпокойной зависти, средней же слой гражданства объявляетъ настоящей опорой народной республики. ¹⁷ Оук. III, 37. ¹⁸ Оук. VII, 14. ¹⁹ Оук. VI, 28. ²⁰ Оук. V, 60. ²¹ Тамъ же 66. ²² Оук. VI, 31. ²³ Тамъ же 1. ²⁴ Оук. Тамъ же 27. ²⁵ Плат. Пиръ 195А—197Е. ²⁶ Плат. Горгіи 484А. ²⁷ Оук. VII, 21. ²⁸ Тамъ же 28. ²⁹ Тамъ же 71. ³⁰ Оук. VIII, 1. ³¹ Арист. Лисистрата 565—90. ³² Тамъ же 1114—56. ³³ Псевдоксеноф. Ао. пол. I, 10—12. ³⁴ Три договора Спарты съ персами Оук. VIII, 18; 36—37; 43; 57—58. ³⁵ Тамъ же 15. ³⁶ Тамъ же 21. ³⁷ Тамъ же 48. ³⁸ Тамъ же 67. ³⁹ Тамъ же 68. ⁴⁰ Аристот. Ао. пол. 30. ⁴¹ Оук. VIII, 72. ⁴² Тамъ же 76. ⁴³ Тамъ же 96. ⁴⁴ Ксеноф. Греч. ист. II, 3. ⁴⁵ Оук. VIII, 97. ⁴⁶ Ксеноф. Греч. ист. I, 1. ⁴⁷ Оук. VIII, 107. ⁴⁸ Схолія къ Аристоф. Богатству 972. ⁴⁹ Андокидъ въ рѣчи о мистеріяхъ 96. ⁵⁰ Ксеноф. Греч. ист. I, 4. ⁵¹ Тамъ же I, 7.